

Линетт Нони не перестаёт впечатлять своими историями.

ТЕРРИ БРУКС, автор бестселлеров *New York Times*

ПРЕДАТЕЛИ КРОВИ

ЛИНЕТТ НОНИ

Линетт Нони
Предатели крови
Серия «Тюремный лекарь», книга 3
Серия «Тюремный лекарь.
Бестселлер Линетт Нони»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69978427
Предатели крови: Эксмо; М.; 2024
ISBN 978-5-04-195599-1

Аннотация

Кива думала, что жаждет мести. Но чувства меняются, люди меняются... Всё изменилось.

После того, что произошло во дворце, Кива отчаянно желает знать две вещи: в безопасности ли её близкие, и смогут ли те, кого она подвела, когда-нибудь простить её. Но теперь, когда королевства стоят на пороге войны, на карту поставлено гораздо большее, чем её разбитое сердце.

Новое начало – рискованное предприятие, которое заставит смертельных врагов и ненадёжных союзников объединиться в гонке со временем, чтобы спасти не только Эвалон, но и весь Вендерол. Кива больше не может просто выживать – она должна бороться за то, во что верит. За тех, в кого верит.

Но сможет ли она выстоять, когда всюду таятся опасности, а жизни всех, кто ей дорог, находятся под угрозой?..

Заключительная книга трилогии «Тюремный лекарь».

Содержание

Пролог	7
Наши дни	11
Глава первая	11
Глава вторая	33
Глава третья	47
Глава четвертая	71
Глава пятая	79
Глава шестая	98
Глава седьмая	107
Глава восьмая	123
Глава девятая	141
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Линетт Нони

Предатели крови

Lynette Noni

THE BLOOD TRAITOR

Copyright © 2022 by Lynette Noni

Jacket art © 2022 by Jim Tierney

© Куралесина И., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2024

* * *

Дорогие читатели!

В этом цикле с самого начала поднимались взрослые темы, но, учитывая финал «Золотой клетки», путь, который предстоит проделать Киве, куда сложнее, чем все, что ей уже пришлось пережить. Я старалась писать о сложных вещах как можно более мягко, но, пожалуйста, имейте в виду: на страницах книги некоторые читатели могут встретить триггеры.

Всем, кто хотел сдаться,
но решил продолжать,
пытаться,
надеяться,
выживать:
эта книга для нас.

Пролог

Она рыдала.

Слезы ручьями текли по лицу, капали с подбородка, пропитывали одежду. Плакать приходилось тихо. Никто не должен знать о ее горестях.

Потому что никто не поймет.

Обняв руками колени, она уставилась во тьму палатки, молясь давно позабытым богам. Умоляя о прощении. Хотя знала, что не заслуживает его и не сможет заслужить никогда.

Учитывая, что она сделала.

Учитывая, что она *создала*.

Ее сотрясли рыдания.

– Я ошиблась, – беззвучно произнесла она. – Надо все исправить. Я должна все исправить.

В таком состоянии ее и нашел мужчина: она раскачивалась на месте от душевной боли, вся в слезах.

Он замер на пороге палатки, потом бросился к ней, упал на колени, взял ее дрожащие руки в свои.

– Что случилось, родная? Тебе плохо? Болит где-нибудь?

Она подняла на него глаза, полные слез, и хрипло ответила:

– Я ошиблась.

Он нахмурился:

– В чем ошиблась?

По щекам снова заструились слезы.

– Во всем.

Мужчина не стал скрывать растерянность. Как и страх.

– Ты приболела, – проговорил он. – Скажу Зулике, чтобы пришла и вылечила...

– *Нem!* – закричала женщина, отдергивая руки, и ее напряжение волной захлестнуло палатку.

Мужчина присел на корточки, разглядывая ее. Повторил тихонько:

– Что случилось?

Женщина долго молчала. А когда наконец ответила, слова вырвались с мучительным скрежетом:

– Зулика убила их. Сломала им шеи одним мановением руки.

Мужчина побледнел:

– Кого?

– Деревенских – всех, кто попался ей на глаза. Всех, кто не так на нее посмотрел. Всех, кто не захотел присоединиться. – Женщина сглотнула. – Все думают, что это сделала я. Но я... – Она покачала головой и прошептала: – Я знала, что она становится сильнее, но такое... Я никогда не думала, что случится нечто подобное. И никогда этого не хотела. Она обещала, что больше не станет ее использовать, особенно после последнего раза, когда она... Когда я...

– В последний раз ты ее остановила, – сказал мужчина уте-

шающе, но твердо. – Не позволила ей убить принца и стражу. Они живы и здоровы.

– Та стражница *руку* потеряла.

– Потеряла бы больше, если бы ты не сняла с нее магические путы. И наследный принц был бы мертв. – И тихо добавил: – Ты же не так давно сама этого желала. Чтобы стало на одного Валлентиса меньше.

– Я не понимала... – Женщина вновь покачала головой. – Он же просто мальчик... Даже младше Торелла. Я увидела его и... – Она закрыла глаза и повторила: – Он же просто мальчик.

– И все-таки его семья стоит у тебя на пути. И он в том числе.

– Есть много способов занять престол. Способов, которые попутно не причинят вреда никому из моих близких. Я не могу... – Она всхлипнула. – Не могу потерять кого-нибудь еще. Не такой ценой. Она же доведет себя до смерти, если будет и дальше использовать ее во вред. Магия разрушит ее изнутри.

Тщательно подбирая слова, мужчина ответил:

– Не вини себя за действия Зулики. Это ее выбор.

– Ты ошибаешься, Голдрик. Все, что она делает, она делает из-за меня, – ответила женщина, мысленно обратившись внутрь и вспоминая, что случилось лишь несколько часов назад. Хрустящие кости, сломанные шеи, падающие тела – мужчины, женщины, дети, все умерли мгновенно. – Я научи-

ла ее всему, что она знает. Это моя вина.

Повисла тяжкая пауза, а потом мужчина – Голдрик – спросил:

– Какие будут приказы, моя королева?

Лишь тогда Тильда Корентин подняла изумрудные глаза и встретила его взгляд, и он, ее лучший друг, ее наиболее доверенный советник, все понял без слов еще до того, как она прошептала ответ. До того, как она попросила его о помощи.

И тогда, склонив друг к другу головы, они придумали план.

Наши дни

Глава первая

Кива Корентин горела.

Пламя опаляло ее, и кровь закипала в венах, и она стонала, и брыкалась, и отбивалась от рук, которые удерживали ее на месте.

– Она вся горит, – раздался грубый мужской голос. – Дай ей воды.

Киву захлестнула вонь рвоты, такая близкая, что она поняла – это ее собственная рвота, и ее вновь затошнило.

Она была больна.

Нет – не больна.

Где-то в глубине души она знала, что страдает не от болезни.

На нее обрушился вихрь воспоминаний: голубые с золотом глаза, зацелованные губы, жуткие тени и битое стекло, карамельная пыльца и железные решетки. Но затем воспоминания рассеялись, образы ушли из памяти, и остался лишь чистый жар, составляющий самую ее суть.

– Боги, какой кошмар, – раздался полный отвращения женский голос.

Меж губ Кивы всунули деревяшку. Вода полилась по пе-

ресохшему горлу, плеснула на подбородок.

– Ага, – согласился мужчина. – Причем *твой* кошмар. У меня на дохляков времени нет.

Руки, что держали Киву, исчезли. Она попыталась сесть, но тело охватили языки пламени. Веки распахнулись на тысячную долю секунды, однако огня она не увидела. Горела она сама – полыхала *изнутри*.

– Она не дохлая, – возразила женщина.

– Ты погоди, – ответил мужчина издалека, будто уже с порога. – Она слишком уж набралась, теперь без дури не выживет. Бросила б ты ее. Или уж добила бы из жалости, если духу хватит. – Смешок. – У тебя-то с этим вряд ли возникнут сложности.

– Ты же тюремный лекарь! – сердито заметила женщина. – Помочь ей – твоя работа.

Еще один мужской смешок.

– Ей уже никто не поможет.

В ушах так грохотало, что Кива почти не слышала удаляющихся шагов. Сердце колотилось неестественно быстро. *Опасно* быстро.

Она смутно понимала, что зря не переживает о своем состоянии, но ничем не могла себе помочь, не могла даже *думать* под всепожирающей агонией, полыхающей в теле.

В мозг вонзился поток ругани, следом появилась мозолистая рука, которая пробралась под шею и грубо потянула наверх, и к губам Кивы вновь прижали стакан.

– Пей! – приказала женщина, силой вливая Киве в рот воду. – Хочешь жить, так пей.

Кива попыталась послушаться, давясь жидкостью и все гадая зачем. Если ее жизнь теперь такова, то определенно лучше бы умереть. «Добить из жалости», сказал тот мужик. Киве этого и хотелось: чтобы полыхающий ад как отрезало, чтобы зияющая дыра в груди исчезла навсегда.

Дыра, которая, как она понимала, к ее нынешнему состоянию не имела никакого отношения.

В памяти вновь мелькнули голубые с золотом глаза – еще один мучивший ее образ, пусть и страдания эти были иного рода, – а потом снова исчезли.

– Твою мать, Кива, *ней* же! – раздался злой женский голос.

Но Кива не могла проглотить больше ни капли. Ее затрясло, огонь мешался со льдом. Кожу покрывал пот, хотя она дрожала от резкого холода, но, когда ее накрыли одеялом, она заскулила, чтобы его убрали.

Слишком жарко.

Слишком холодно.

Слишком.

– Пожалуйста, – прохрипела она, не зная, чего просит и у кого. – *Пожалуйста.*

– Ты не помрешь вот так, – твердо сказала женщина. – Не так.

Но Кива ей не поверила. Потому что она хотела, чтобы все закончилось, все.

И когда сил терпеть пытку уже не осталось, она отдалась блаженным объятиям забвения.

Когда Кива открыла глаза, первым делом она увидела змею.

Комната шла кругом – слабо освещенное пространство, полное голых тюфяков и ветхих одеял, знакомый едкий запах.

Это лазарет, шепнули из дальнего уголка памяти. Лазарет Залиндова.

Ее охватила тревога, но она не смогла даже испугаться по-настоящему – на языке налип карамельный вкус, а змея открыла пасть и заговорила.

– *Соберись!* – прошипела змея, грубо тряся ее. Голос напоминал о той женщине, которая лила ей в глотку воду.

Кива хихикнула и потянулась потрогать змею.

Ее ударили по рукам.

– Тебе надо идти со мной в тоннели, иначе тебя добьют. Слышишь? Не начнешь работать, и тебе крышка.

Подгоняемая змеей, Кива села, и голова мотнулась набок. Она смутно разглядела, что одета в грязную серую рубаху, и сморщилась от вонючей собственной рвоты.

– Боги, ты хоть представляешь, что происходит? – буркнула змея. Она обвилась вокруг Кивиной спины и подняла ее на ноги. – Слишком много ангельской пыли тебе давали по дороге сюда, теперь ты без нее не можешь.

Змея потащила ее по лазарету.

– Я кое-что раздобыла, тебе хватит на пару дней. Будем снимать тебя с нее потихоньку, иначе органы начнут отказывать. Понимаешь меня?

– Говорящая змея... – сонно протянула Кива, спотыкаясь, когда ее вытянули на улицу. Она подняла руку к солнышку и улыбнулась ярким цветам вокруг. – Денек славный...

Змея грязно выругалась и прошипела сквозь стиснутые зубы:

– Кива, это я, Креста. Соберись.

Креста.

Выходит, не змея.

Но почти.

Креста Восс. Имя всколыхнуло в Киве неприязнь и страх, а также воспоминания о мускулистой девушке с нечесаными рыжими патлами, светло-кариими глазами и татуировкой змеи на щеке. В Залиндове она работала на каменоломне и знала Киву больше пяти лет. И все эти пять лет открыто ее ненавидела. Это она возглавляла местных бунтовщиков, верных Кивиной сестре, Зулике Корентин, нынешней королеве Эвалона, – та уселась на краденый трон, отняв у Кивы все. Все и всех.

– Плохая змея, – промямлила Кива, пытаясь вырваться из рук Кресты. – Ухдии.

– Да хватит!

Креста плотнее ухватила Киву и, сойдя с дорожки на жух-

люю траву, повела ее к каменному строению под куполом в центре двора.

– Ты без меня и до вечера не протянешь.

– Протяну... – Кива вновь споткнулась, перебираясь через сухие кустики под ногами. Перед глазами у нее все вращались разноцветные пятна, отскакивали от белых стен в отдалении. – Или нет. Без разницы.

– Ты сама себя слышишь?

Они дошли до здоровенной ямы в земле, которая привлекла спутанное внимание Кивы. Не сразу получилось припомнить, как взорвалась и сложилась внутри сторожевая вышка. Теперь от нее ничего не осталось – одно лишь воспоминание.

– Мот. – Мысли на миг прояснились, и Кива выдохнула имя человека, который подорвал вышку. – Где Мот?

– Умер, – равнодушно ответила Креста. – Лично смотритель казнил сразу после бунта – того, который помог тебе слинять.

Кива с тоской вспомнила санитаря из морга, который заботился о ней, помог выжить в Ордалиях, но долго задержаться на этой мысли не вышло – она испарилась ветром. Кива потрясла головой, пытаясь прогнать кутерьму цвета, пытаясь вспомнить, о чем говорила змея.

– Из Залиндова не слинять. – Она хихикнула как сумасшедшая. – Даже если уже слиняла.

Креста не ответила – ей помешала группа одетых в серое

заключенных с усталыми лицами, которые безвольно брели через сухую траву туда же, к зданию под куполом.

– Тебе надо собраться, прежде чем мы дойдем до тоннелей, а то охрана отправит тебя в Бездну, – шепотом предупредила Креста. – А может, даже и не станут заморачиваться.

– Без разницы, – пробормотала Кива, волоча ноги.

Креста еще сильнее стиснула руку Кивы и прошипела:

– Ты мне как-то сказала, что я сильная и крепкая, что я все переживу. Что я сама ради себя должна найти повод выжить. Теперь я повторяю тебе то же самое, Кива Меридан.

Осев в руках Кресты, Кива ответила:

– Это не мое имя.

– Твое.

– Не мое!

– Тебе решать, кто ты, – жестко заявила Креста. – И какая ты. Но сейчас тебе надо выбрать жизнь. С остальным потом разберешься.

Даже несмотря на то, в каком жалком состоянии пребывала сейчас Кива, слова Кресты ее задели. Мысль о том, что все в ее руках, была смехотворна. Десять лет в Залиндове за нее решали другие, а она день за днем боролась за выживание. А когда наконец почувяла вкус свободы, ее собственные решения лишь привели ее обратно, к началу, и по пути она потеряла больше, чем могла представить.

Дыра в груди вновь заныла, и даже ангельская пыль не могла приглушить эту боль.

– Ты только не думай, что мне есть до тебя дело, – безжалостно продолжала Креста. – Но ты когда-то спасла мне жизнь, и теперь я твоя кровная должница. Так что сегодня ты не помрешь, и завтра тоже не помрешь, и дальше тоже, пока клятая наркота не выведется из организма. А потом сама решай, какого дьявола делать со своей жизнью. Живи, умирай – это уже не моя забота. Но до тех пор будешь меня слушаться. А я говорю тебе: соберись и приготовься к худшему дню в своей жизни.

Кива так увлеклась речью Кресты, что не заметила, как они дошли до здания под куполом и встали в очередь из прочих заключенных перед лестницей, ведущей вниз, в тоннели.

Пытаясь мыслить трезво, Кива пробормотала:

– Почему ты здесь?

Креста досадливо цокнула:

– Я только что объяснила!

Кива качнула затуманенной головой. Вероятно, сегодняшняя доза была меньше той, которая держала ее в отключке несколько недель, так что у нее получалось даже задавать вопросы, пусть даже она едва мямлила.

– Нет, почему ты не в каменоломне?

Помедлив, Креста ответила:

– Рук перевел меня сюда после бунта. Ему не понравилось, что я прожила так долго, поэтому теперь я в тоннелях, жду неминуемой мучительной смерти.

У Кресты осталось шесть месяцев. Максимум – год. Тако-

ва судьба тоннельщиков Залиндова.

Судьба, которую предстояло разделить и Киве, раз уж тюремным лекарем она больше не числилась.

Ей бы прийти в ужас, но она не нашла на это сил.

Почему-то ей казалось, что дело тут не в ангельской пыли.

– Следующий, – скучающе позвали мужским голосом, и Кива, подняв взгляд от сухой травы, обнаружила, что они добрались до входа в здание, где двое охранников направляли заключенных к лестницам, поднимающимся из прямоугольной дыры в земле.

– Я понимаю, тебе сейчас очень плохо, – торопливо сказала Креста, пока заключенные перед ними лезли в шахту. – Но ни за что не отпускай лестницу.

Взглянув в безразличное лицо Кивы, она спешно добавила:

– Подумай, что для тебя важно! Тот пацан – ну, заика. Ты его любишь. Не забывай про него.

Tunn.

В памяти всплыло смутное воспоминание о веснушчатом мальчишке со щелястыми зубами, и сердце вновь сдавила боль.

– Следующий, – повторил охранник, махнув Киве и Кресте.

– Перекладина за перекладной, – сказала Креста. – Ради пацана. Я с тобой.

Кива тупо кивнула; голова казалась слишком тяжелой для

плеч и в то же время удивительно легкой. Креста пихнула ее вперед, и Кива запнулась о собственные ноги, повеселив охранников. Они знали, кто она и как низко пала. Они *потешались*.

Внутри вспыхнуло пламя, но сразу погасло: когда она взялась за металлические перекладины, ангельская пыль уже все унесла.

Две лестницы были прибиты в ряд, и когда Кива начала спускаться по первой, Креста, верная своим словам, полезла рядом – сначала до первой площадки, потом еще ниже. Они спускались все ниже и ниже, перекладина за перекладиной, площадка за площадкой, и Креста шепотом подбадривала ее. Кива разглядывала собственные руки, будто чужие, ничего не чувствуя, лишь смутно осознавая, что спускается, что мышцы горят, что воздух становится холодным и застоявшимся.

Типп. Ради Типпа она выдержит.

Даже если после того, что он узнал, после того, что она *натворила*, он теперь наверняка ненавидит ее.

Кива болезненно всхлипнула, и Креста посмотрела на нее с тревогой. Но тут последняя лестница подошла к концу, и по лицу Кресты разлилось облегчение.

Угроза миновала.

И в то же время – нет.

Потому что не успела Кива отдышаться, как ее утянули в освещенный люминием тоннель, в котором муравьями копо-

шились ряды заключенных. Ее охватила тихая паника, привычная клаустрофобия, приглушенная ангельской пылью.

Когда она оказалась здесь в прошлый раз, других заключенных тут не было. Но она была не одна.

Голубые с золотом глаза. Парящий магический огонек. Прекрасный снегоцвет.

В этот раз образ прогнала не ангельская пыль, а сама Кива.

Она была не в силах вспоминать это.

Не в силах вспоминать *его*.

Под ногами захлюпало, и, опустив взгляд, Кива увидела, что земля сменилась грязью, затем лужами, а потом вода поднялась и до колена. Когда один из надзирателей приказал остановиться, Кива обнаружила, что по пути кто-то всунул ей в руки кирку. Она примерилась, взмахнув ею, как мечом.

Кэлдон учил ее этому, тренировал ее с учебным деревянным мечом.

Кива закрыла глаза и отогнала и это воспоминание тоже, позволив ангельской пыли притушить вернувшуюся боль. Уронила руки, пытаясь не забывать, где она, почему она здесь и что от нее требуется.

Работать в тоннелях.

Теперь она работала в тоннелях, и ее задача – копать в поисках воды, а потом прокладывать ей путь в подземный водоем.

Хуже места для работы в Залиндове не было. Самая слож-

ная работа, и физически, и морально. Здесь умирали быстрее всего.

– Думай о пацане, – приказала стоящая рядом Креста. – Только о нем и думай.

Командный тон заставил Киву подчиниться, и когда надзиратели приказали начать ломать стены из плотного известняка, лицо Типпа заняло все ее мысли.

Снова и снова Кива била железной киркой по неподатливому камню. Удары отдавались в руках, от грохота сводило зубы. Ей нравилось, как горят с каждым движением мышцы, глаза застилала пыль, слух заполнил звон сотен кирок по твердому камню. Она смутно осознавала, что Креста работает рядом, что она напоминает ей о Типпе, что велит продолжать работу. Останавливаться было нельзя: остановишься – и вернутся надзиратели. Они ходили туда и сюда, держа наготове плети и дубинки. Не давай им повода, повторяла Креста. Работай. Работай. *Работай.*

Кивина кирка покрылась кровью из лопнувших волдырей и трещин на ладонях, и кровь капала с деревянной рукояти. Она чувствовала боль, но приглушенно, как и все остальное.

А потом все изменилось.

Потому что секунды сливались в минуты, а минуты – в часы, и воздействие ангельской пыли начало слабеть.

Сначала пришла легкая, но назойливая боль в затылке. Дальше появился медный привкус на языке, задрожали пальцы, и скользкую от крови кирку стало трудно держать. Когда

охранники объявили долгожданный конец смены, Кива вся продрогла, несмотря на изнурительный труд, и наконец протрезвела достаточно, чтобы осознать: то, что она пережила, ни в какое сравнение не идет с тем, что ее ждет.

– Мне так плохо, – простонала Кива, пока они ждали своей очереди подняться наверх.

– Да уж, – откликнулась Креста. – В этом твоём лазарете найдется что-нибудь полезное?

– Лазарет больше не мой, – возразила Кива, покачиваясь от изнеможения.

Освободившись из Залиндова, она смогла откормиться и потренироваться, и вместе с обезболивающим эффектом ангельской пыли все это дало ей сил выдержать целый день тяжелой работы. Но теперь она чувствовала, что у нее болит все тело. Зато мысли впервые за много недель были яснее некуда, так что она изо всех сил старалась сконцентрироваться и припомнить, какие растения могут облегчить синдром отмены.

– Придется это пережить, – понимающе сказала Креста, откидывая спутанные рыжие волосы с потного лица. – Посмотрим, что удастся наскрести.

Кива пробормотала что-то в ответ, сама не понимая толком, что сказала; лихорадка нарастала, ее всю трясло. Она не помнила, ни как лезла наверх, ни как Креста довела ее до спального корпуса и бесцеремонно сгрузила на нары; она была вся в пыли и грязи, одежда до сих пор в следах рво-

ты. Сколько она так пролежала, дрожа и потея, она не знала, мышцы ныли, в окровавленных ладонях безжалостно билась боль.

– Дай руки.

Вернулась Креста. Кива не знала, как долго та отсутствовала или как давно вернулась. Змеиную татуировку почти не было видно под слоем грязи.

По ладоням провели чем-то влажным, и их пронзило острой болью. Кива попыталась выдернуть руки, но Креста не отпустила.

– Следи, чтобы на ладони никакая грязь не попадала, а то инфекцию подхватишь.

Кива замерла: слова эхом отдались в памяти. Она их уже слышала. Она их уже *говорила*.

Сильные руки, сильное тело, взъерошенные темно-золотистые волосы, прекрасные губы с понимающей усмешкой, смеющиеся глаза – голубые с золотом.

В сердце вновь что-то надорвалось, и Киве стало так больно, что даже дрожь на миг прекратилась. Но сейчас она была не в лазарете. И *его* с ней не было.

Не было сейчас.

Не будет никогда.

– Съешь-ка вот что, – велела Креста, вновь привлекая внимание Кивы. Она протягивала пригоршню мелких зеленых луковичек, желтых и оранжевых цветков и черную обугленную деревяшку.

Кива не стала спрашивать, как Креста пробралась в сад лазарета, не стала и задумываться над тем, как та добыла уголь из крематория. Но одно все-таки спросила, сунув в рот растения и поморщившись от ощущения древесного угля на языке:

– Про уголь я ничего не говорила.

– Ты не первая с ломкой на моем веку, – буркнула Креста, продолжая очищать ладони Кивы. – Уголь впитает из крови отраву.

Киве захотелось спросить, кому еще помогала Креста, но ее вдруг согнуло от спазма в желудке, и она охнула и свернулась клубочком.

– Тебе бы поесть, – заявила Креста. В голосе не было ни тепла, ни заботы о Киве, лишь голая констатация фактов.

– Меня же... – Киву вновь согнуло, и она стиснула зубы, – просто вывернет.

Креста принялась возражать, но Кива уже не слушала: живот так болел, что она не замечала больше ничего вокруг. Луковицам крошится, углю и лепесткам виалки и сумаслици нужно какое-то время, чтобы подействовать, но и тогда они не исцелят ее полностью. Если Креста в самом деле собралась отучать Киву от ангельской пыли, ночка будет та еще.

Следующее, что помнила Кива, – это как к ее губам прижимают кусок хлеба, пропитанный бульоном. Лоб вспотел, ее бросало то в жар, то в холод.

– Нет, – простонала она, отворачиваясь.

– Тебе нужны силы на завтра, – ответила Креста и сунула ей в рот еще хлеба. – На одной ангельской пыли долго не протянешь.

– Пыль... – охнула Кива, давясь едой, хрипло и отчаянно. – Прошу... Мне надо... Хоть крошечку...

Перед глазами все расплывалось, но Кива увидела, как застыло лицо Кресты.

– Тебе нужно поесть, а потом поспать. Утром получишь еще.

Кива затрясла головой; ее так колотило, что зубы стучали.

– Мне надо *сейчас!*

– Ешь. – Креста запихнула в нее еще один кусок хлеба.

Кива подавилась, но Креста зажала ей рот ладонью и заставила проглотить.

– Уголь поможет не выблевать все наружу, – сказала Креста. – Бороться придется не только физически, но и морально. Нужно только хотеть бороться.

Кусок за куском Киву пичкали хлебом, и та застонала. Креста была непоколебима, глуха к мольбам и не собиралась выделить даже крошечку ангельской пыли, чтобы облегчить ночь.

Эта война продолжалась часами, Кива хныкала, а ее тело вопило, умоляя хоть о секунде передышки.

– Да заткни ж ты ее! Люди вообще-то спят! – возмущались прочие заключенные, которым не повезло оказаться поближе.

– Мамке своей жаловаться будешь, – отбивала Креста. Их жалобы – как и жалобы Кивы – мало ее трогали.

Но потом, посреди ночи Кива так глубоко провалилась в свое безумие, что завопила во всю глотку, перебудив половину барака:

– ДАЙ МНЕ! ДАЙ! МНЕ НАДО! НУ ДАЙ ЖЕ МНЕ...

Креста с руганью заткнула ей рот ладонью, стянула ее, потную, дрожащую, с нар и в лунном свете потащила мимо глазающих разбуженных заключенных. Они ввалились в темную душевую, Креста впихнула Киву под душ и включила ледяную воду.

Хватая воздух и отплевываясь, Кива попыталась выбраться из-под душа, но Креста удержала ее на месте, попутно промокнув и сама.

– Пусти! – завопила Кива.

– Не пущу, – бросила сквозь зубы Креста, крепко ее держа. – Пока не утомнишься наконец.

Кива попыталась вырваться, но бесполезно – она слишком ослабла, можно было и не стараться. Почти сразу она с пыхтением повисла на Кресте.

– Все, утомилась? – спросила та.

Кива лишь кивнула – без сил, без воли к сопротивлению.

Креста выключила воду, и Кива сползла на пол с ней рядом. Обе уселись, прислонившись к стене душевой, промокшие насквозь и продрогшие, и шумное дыхание эхом уходило во тьму.

– Какая ж ты заноза в жопе, – буркнула Креста.

Вспомнился Кэлдон, который не раз говорил Киве то же самое. Вспоминать его было больно, но губы Кивы все равно дрогнули в подобии улыбки. Стуча зубами, она выговорила:

– М-мне и д-до тебя это г-говорили.

– И еще не раз скажут.

– П-прости, – прошептала Кива. Ледяная вода протрезвила ее достаточно, чтобы она осознала свое поведение, пусть даже виноват был наркотик. – И с-спасибо. За п-помощь.

– Это еще не конец, – предупредила Креста. – Все еще впереди.

Кива понимала. Но она собиралась найти способ отблагодарить Кресту, когда выкарабкается – если выкарабкается, – даже если та всего лишь возвращала долг.

– Ты сказала, что уже помогала кому-то слезть с ангельской пыли, – сказала Кива, мысленно благодаря прочистивший голову холод. – Кому это?

Креста молчала так долго, что Кива уже почти решила, что ответа не дождется. Но та наконец чуть слышно произнесла в темноте душевой:

– Еще в детстве, задолго до Залиндова, моя сестра нашла закладку с ангельской пылью и не разобралась, что это такое. Получила передозировку, чуть не умерла. Я не отходила от нее, пока она не поправилась.

– Сколько в-вам б-было?

– Мне десять, – ответила Креста. – Ей восемь.

Совсем дети.

– А ч-что родители?

– Дома было так себе, – ровно произнесла Креста. – Сестра была такой доброй, такой ласковой, но отец считал это слабостью. В его доме не было места для робких, так что он вытирал об нее ноги; ему и дела не было, жива она еще или нет. А мама... У нее все силы уходили на то, чтобы уцелеть. У сестры осталась только я.

Креста говорила с болью, хоть Кива и видела, как та пытается это скрыть. Она спросила, все еще стуча зубами:

– И ч-что дальше?

– Я помогла ей справиться с передозировкой, потом с ломкой. После этого она и близко к ангельской пыли не подходила.

– Нет. – Кива растерла плечи, чтобы согреться. – С семьей что б-было дальше?

В этот раз Креста молчала еще дольше.

– Нет никакой семьи. Больше нет.

В этих словах крылось столько всего, что Кива закрыла глаза. Креста попала в Залиндов больше пяти лет назад, еще подростком лет шестнадцати. Что бы ее сюда ни привело... Как бы она ни потеряла родителей и сестру... Кива слишком многого не знала, чтобы строить догадки о ее прошлом.

– Как...

– Хватит сказок на ночь, – сказала Креста так резко, что Кива сразу вспомнила, что они не подруги. До недавних пор

– может, до этого самого момента – они были скорее врагами. – Попробуй заснуть.

Кива моргнула в темноте душевой.

– З-здесь?

– Обрато в барак тебе нельзя. Еще одна такая выходка, и охрана придет проверить, в чем дело, – ответила Креста, устраиваясь поудобнее.

– Но т-тут заледенеть можно! – Однако пока Кива возмущалась, ее снова окутало тепло: шок от ледяной воды проходил, и симптомы ломки возвращались. Душ, может, и был холодный, а вот воздух поздней весной уже достаточно прогрелся. Если высохнуть, все будет не так уж скверно. Она спала и в местах похуже – правда, ни разу не мучаясь при этом от ломки.

– Спи, – велела Креста, не обращая внимания на нытье Кивы. – Пока можешь.

Киве хотелось возразить, хотелось задать миллион вопросов, пока голова еще свежая, хотелось задержаться в нынешней ясности сознания до утра, когда ее ждет очередная доза ангельской пыли. Но Креста была права: нужно было поспать, пока еще можно, собраться с силами, чтобы пережить грядущий день – и физически, и морально.

Так что Кива стиснула зубы, превозмогая волны жара и холода, закрыла глаза и позволила изнеможению овладеть собой.

Следующие три дня были худшими в жизни Кивы, дальнейшие четыре – примерно такими же, а неделя, которая последовала за ними, мало чем отличалась.

Все это время Креста, верная слову, не отходила от Кивы, давая ей по утрам ровно столько ангельской пыли, чтобы хватило пережить рабочий день, и с каждым разом уменьшая дозу; а по ночам она спала рядом в душевой. Кива часто вырывалась и кричала, изо всех сил отбиваясь от Кресты. Так же часто Кресте приходилось держать Киве волосы, пока та опорожняла желудок. Даже уголь уже не помогал: когда начиналась ломка, ничто не спасало от тошноты, боли в животе, пота и лихорадки. У Кивы болело все тело, и не только из-за постоянных спусков в тоннели – этого она почти не замечала, часы под землей пролетали как в тумане, оставалась лишь грязь, пыль и боль, – но и из-за того, что каждую ночь приходилось бесконечно бороться с самой собой.

Это было слишком, слишком сложно, *слишком*.

Каждый день она мечтала о смерти, не в силах выносить эти муки – и не только муки ломки. Наркотик постепенно выводился из организма, и нахлынули воспоминания: то, что она видела, и то, что *сделала*. И люди, с которыми она это сделала.

Это была иная боль, гораздо хуже. От такой никогда не

исцелиться. Она и не заслужила исцеления.

Так что она отбрасывала воспоминания и радовалась мукам ломки, пока через две недели после прибытия в Залиндов дрожь не ослабла, тошнота не унялась, отчаяние не отступило.

Все кончилось.

Но самое скверное ждало ее впереди.

Глава вторая

Кива разглядывала кровавые волдыри и сорванные мозоли на ладонях, но ничего не чувствовала. Как и раньше, как и все последние недели.

Ничего, кроме холода. Ничего, кроме онемения.

Ничто ее не волновало.

Она это заслужила.

Кара, говорила она себе, хотя никакая кара не будет достаточной.

– Жуй.

Под нос Киве сунули горбушку черствого хлеба; руки были пыльные, но не окровавленные. Эти руки видывали тяжкий труд и привыкли махать киркой час за часом, день за днем.

Смотритель Рук ошибся, ожидая, что в тоннелях Креста быстро умрет. Она была как таракан, и Кива уже сомневалась, способно ли хоть что-нибудь dokonать ее.

– Пять минут! – сообщил ближайший охранник в черной форме; не выпуская из рук плети, он прохаживался по залитому люминиевым светом проходу. Можно было и не напоминать: на обед каждый день выделялось одно и то же время.

– *Жуй!* – повторила Креста и сунула хлеб Киве. Они сидели в рядок с другими заключенными, опираясь спинами на известняк и положив инструменты рядом на этот краткий

миг передышки.

Креста пихнула ее под ребра, и Кива машинально поднесла еду ко рту и принялась жевать всухомятку.

– Теперь пей, – приказала рыжая, и Кива послушно зачерпнула рукой грязной воды из лужи под ногами. На вкус было как грязь, но хлеб провалился внутрь, а организм получил воды.

Выжить. Больше она ничего и не могла теперь, даже если всего лишь оттягивала неизбежное.

Кива всегда понимала, что быстро умрет на любой работе за стенами лазарета. Она неспособна была бесконечно пахать, как Креста. С возвращения в тюрьму прошло около пяти недель, и Кива уже удивлялась, что она столько протянула, но понимала, что без помощи Кресты не справилась бы. То ли из жалости, то ли по каким-то совершенно иным причинам Креста не бросила ее, когда закончилась ломка, как ожидала Кива. В ее обхождении не было ни тепла, ни дружбы, она раскрывала рот, только чтобы заставить Киву следить за собой, но за минувшие пять недель они каким-то образом стали командой. Если одна падала, то другая непременно поднимала – и чаще всего поднимать приходилось Кресте.

Кива все еще не понимала зачем. Они очень многое еще не обсудили: ни то, что Креста была главарем местных мятежников, ни то, знала ли она, кто такая Кива на самом деле. До побега – точно не знала, но с тех пор очень многое изме-

нилось; например, не осталось никаких местных мятежников.

Смотритель Рук об этом позаботился.

Во время бунта и так погибло очень много заключенных: Грендель, Олиша, Нергал и еще множество Кивиных знакомых, но смотритель все равно устроил потом массовую казнь. Петли не избежал никто из сообщников Кресты, и лишь ее одну перевели в тоннели из садистского желания Рука продлить ее страдания.

Это была единственная причина помогать Киве, которую та могла придумать, – потому что в каком-то странном смысле рыжая знала Киву и не опасалась ее. И может быть, Кресте этого не доставало, ведь она потеряла не меньше, чем Кива.

«Нет, – подумала Кива, вновь разглядывая свои окровавленные ладони. – Меньше».

Вспоминать его имя, вызывать в памяти лицо было больно, но она заставила себя, бессознательно потянувшись к амулету под одеждой, который охране было приказано оставить ей по прибытии.

«Мне хочется, чтобы у тебя осталось напоминание о сегодняшнем дне – обо всем, чему ты помогла случиться», – сказала тогда Зулика сквозь решетку глубоко под Речным дворцом в Валлении.

Она бы и так не забыла, даже без королевского герба, висящего на шее постоянным удушающим напоминанием. Невозможно было забыть. Она видела его каждый миг каж-

дого дня; полные боли и ужаса голубые с золотом глаза, когда он понял правду: она все у него отняла – и трон, и магию, и сердце.

Джарен Валлентис.

Бывший наследник престола Эвалона, ныне вынужденный бежать из дворца в изгнание – и все по вине Кивы.

И не только Джарен. Из-за ее решений пострадали и другие близкие ей люди: Наари, Кэлдон, Типп, даже ее собственный брат, Торелл. Она понятия не имела, что им пришлось пережить с той ночи, когда все пошло прахом.

Закрывая глаза, она видела Наари в луже крови после удара смертоносной магии Зулики; видела Кэлдона, который смотрит на едва живого Джарена, а потом кричит, чтобы Кива убегала, и верность семье в нем борется с любовью к ней; видела отчаяние Типпа, который осознал, что она много лет лгала ему, видела, как малыш падает от удара Зулики, а та заявляет, что он будет просто обузой, пока ему все не объяснят, – а Кива так и не успела ничего объяснить. Его поручили заботам Рессинды, которая обещала присмотреть за ним, равно как и за Тореллом, которого ударили кинжалом во время налета мирравенских похитителей. Но не от рук мирравенцев он едва не умер, а от рук Зулики.

За всем этим стояла Зулика.

Все это произошло по вине Кивиной сестры, которая объединилась с Миррин Валлентис, чтобы захватить Эвалон; а принцесса вступила в сговор с королем Мирравена Наво-

ком, пойдя против собственной семьи во имя любви к сестре Навока, Серафине.

Но даже зная все это, Кива винила себя. Потому что это благодаря *ей* у них все получилось. Это она выболтала им все, что требовалось, чтобы захватить престол, и тем самым предала всех близких.

И *Джарена* тоже.

Он никогда ее не простит.

Она и *сама* себя не простит.

Такие, как она, прощения не заслуживают.

Только смерти.

Так что поделом ей, что ее отправили обратно в Залиндов – здесь она и встретит свой конец. В этот раз ей не выбраться, и никто за ней не придет. Она осталась сама по себе, все правильно.

Она все это заслужила, все эти муки и страдания. Но даже при всем при этом никакое наказание не исправило бы содеянное. С этим оставалось только жить – а вскорости и умереть.

– Ну, всё! – позвал ближайший надзиратель, и остальные эхом понесли его слова дальше по тоннелю. – За работу!

Кива тяжело поднялась на ноги – и, конечно, Креста была рядом. Когда-то Кива боялась наткнуться на нее в тюрьме из-за ее враждебности и склонности поднимать бучу по любому поводу: от нее лучше было держаться подальше. Однако, пусть они обе теперь и оказались загнаны в один тупик,

Кива не собиралась забывать, что однажды Креста угрожала убить Типпа – заявляла, что он труп, если Кива не сможет выходить Мятежную королеву. А ведь Киве никакие угрозы были ни к чему: все-таки Тильда Корентин – ее родная мать.

По крайней мере, была ею когда-то.

А теперь Тильда мертва.

Кива не смогла ее спасти.

И отца не спасла тоже.

И брата, Керрина.

Половины ее семьи не стало.

Пусть в их смертях не было вины Кивы, ее все равно преследовало осознание, что, если бы она применила свой целительский дар, она бы могла уберечь их от смерти. Если бы она только *осмелилась*.

Она всех подвела.

И теперь расплачивалась.

И за это, и за многое другое.

– Уснула, что ли? – буркнула Креста. – *Конай*.

Кива заморгала, вдруг осознав, что, пока сокамерники разбирали инструменты, она просто стояла и снова пялилась на ладони.

Окровавленные ладони.

Полные силы.

Стоит лишь захотеть, она призовет свой дар – и тот явится вспышкой золотого сияния. Или же – одна неверная мысль, и она призовет магию смерти, унаследованную от предка, То-

рвина Корентина. Ту самую, которая прокляла ее маму и извратила сестру. Теперь она внутри ее самой. Всегда там была.

Кива передернулась и сжала кулаки.

– Кирку подбери! – прошипела Креста.

Кива будто в тумане взглянула на нее, замечая, как змеиное тату морщится от тревоги. А потом увидела, что встретило Кресту: из-за угла вывернул надзиратель и направлялся прямо к ним.

Это был Кость.

Дремавший было инстинкт самосохранения вынудил Киву быстро подобрать кирку и ударить по известняку.

За десять лет в Залиндове Кива поняла, что по-настоящему бояться здесь нужно только двоих: Кость и Мясника. Бледный черноглазый надзиратель был буйным и непредсказуемым; обычно он вышагивал с арбалетом на плече по внешним стенам или на вышках. Раз он спустился вниз...

По коже поползли мурашки. Кива ждала, когда же он пройдет мимо.

Он не прошел.

Вместо этого он остановился прямо за ней, перехватил древко кирки и вырвал инструмент у нее из рук.

Креста работала теперь медленнее, от нее так и веяло опаской: одним глазом она присматривала за Кивой, другим – за Костью, и в ореховых глазах светилось предостережение.

Кива сглотнула и обернулась.

– Ну приветик, лекарка, – мурлыкнул он.

Он глядел на нее с насмешкой, и этот взгляд прорвался сквозь пелену онемения, окутывавшую Киву неделями, затопив вены страхом. Раньше, когда она была тюремным лекарем, у нее была защита от надзирателей вроде Кости. Не только потому, что кроме нее их было бы некому вылечить, но и потому, что она ходила в любимицах смотрителя. Безопасности это не гарантировало, но от многих тюремных кошмаров избавило.

Здесь, в тоннелях, этой защиты у нее больше не имелось. И уж точно Рук за нее не вступится.

Кость шагнул вперед, и Кива непроизвольно отшатнулась, ударившись спиной об известняк. Заключение слева замялся, но затем вернулся к работе, молотя киркой еще быстрее, будто не желая привлечь к себе внимание.

Но справа от Кивы Креста совсем бросила работать.

– Чего надо? – спросила она, поднимая взгляд на Кость.

Он едва удостоил ее взглядом:

– Работай давай, Восс.

Скверно, что он помнил ее фамилию: надзиратели обычно обращались к заключенным только по номерам.

Кость опустил левую руку на арбалет, ухмыльнулся Киве и предложил:

– Прогуляемся?

Он отшвырнул ее кирку и потянулся к ней, отчего у Кивы внутри все перевернулось. Но не успел он дотронуться, как между ними влезла Креста.

– Обожаю гулять, – бодро заявила рыжая. – Куда идем?
Кость сверкнул на Кресту глазами.

– Предупреждаю в первый и последний раз.

Та не пошевелилась, оставшись между ними живым барьером.

– Креста... – попыталась Кива, но во рту пересохло, и она умолкла.

– Если Киве можно размять ножки, то и всем можно, – заявила Креста, игнорируя нависшую угрозу. А может, даже наслаждаясь ей. – Так нечестно!

Кость склонил голову набок, разглядывая ее.

– Вообще, я бы даже посмотрел на это представление. Но сегодня я не в настроении. – Он отвел взгляд и махнул паре тоннельных надзирателей, чтобы те подошли, а потом вновь посмотрел на Кресту. – Можешь копать сама или же они могут тебя заставить. Выбирай.

Кива встревожилась еще сильнее, потому что Креста вызывающе осталась на месте, и подоспевшим надзирателям пришлось схватить ее с двух сторон.

Кость удовлетворенно усмехнулся, глядя, как Креста брыкается у них в руках, а потом обернулся к Киве:

– Ты. За мной.

Кива панически посмотрела на Кресту и поняла, что рыжая вот-вот выкинет какую-нибудь глупость – например, упадет на надзирателей, – и поэтому торопливо выдавила:

– Ничего! Я скоро вернусь!

В этом она не была так уж уверена, поскольку понятия не имела, что на уме у Кости, но будет куда хуже, если Кресту накажут вместо нее. Стоит той продолжить сопротивляться – и не хочется даже представлять, какие последствия их ждут.

Глядя Кресте в глаза, Кива молча умоляла ее сдаться, и та наконец перестала брыкаться и недовольно качнула головой в знак согласия.

Кива облегченно вздохнула, но застыла, когда Кость развернулся на каблуках и быстро пошел прочь, бросив через плечо:

– Не услышу твоих шагов за спиной, и гулять ты отправишься в покойницкую.

Креста вырвалась из рук надзирателей и от души пихнула Киву вперед, добавив:

– Кость языком не мелет, как сказал – так и будет. Беги.

– Но ты...

– Делай как велено, будь умницей, – кисло попросила Креста, вновь подпихивая Киву. – Иди.

Креста бросила на Киву последний взгляд, вопрошая, почему та еще здесь, вернулась на свое место у стены и принялась рыть. Надзиратели не спускали с нее глаз, но Кива не сомневалась, что рыжей хватит ума не нарываться. Креста и так многим рисковала, влезая поперек Кости, который получил свое прозвище за то, что имел обыкновение бессердечно ломать заключенным кости, и порой на то не было иной причины, кроме скуки.

При мысли, до чего могло бы дойти, потеряй он терпение, Киву охватила вина. Но тут она вспомнила, что он ждет ее, и поспешила следом, бросив на Кресту последний взгляд – убедиться, что та спокойно работает. Кость она догнала уже у самых лестниц. Он, кажется, почти расстроился, увидев ее, и так стиснул арбалет, будто только искал повода пустить его в ход.

Кива тревожно покосилась на оружие, и Кость ухмыльнулся, но лишь кивнул на лестницу:

– Наверх. – И добавил издевательски: – Дамы вперед.

Отчетливо ощущая, как Кость следит за каждым ее движением, Кива послушно полезла по перекладинам. Кажется, прошла вечность, прежде чем они поднялись на поверхность. В голове у нее роилось множество вопросов, но ни один из них она не смела задать.

Однако ей и не пришлось, потому что, как только она вышла вслед за Костью на полуденное солнце, то увидела, за чем он спустился за ней.

А точнее, кому она понадобилась.

Прямо у входа в здание их ждал смотритель; его темнокожее лицо осталось бесстрастным, когда он взглянул на нее – пропотевшую, запыленную.

При виде его Кива резко остановилась.

За пять недель она еще ни разу его не встречала, кроме как в день своего прибытия, а в тот раз мозг был так затуманен наркотиком, что едва запомнил их встречу. Зубастая

улыбка, полная злорадства, да несколько глумливых слов, которыми он ее поприветствовал, – вот и все. Тогда она и не почувствовала почти ничего, но теперь все было иначе.

Взор затянуло алым, когда она взглянула на человека, повинного в стольких смертях.

Включая и ее отца много лет назад.

– Так ты в самом деле не подохла, – без экивоков заявил Рук.

Кива не ответила, напоминая себе, что, если она на него набросится, Кость ее схватит. Кэддон в Речном дворце дал ей пару уроков боевых искусств, но ей ни за что не совладать одновременно с Руком и Костью – да и по отдельности тоже. Навыки ее оставляли желать лучшего, и это если не брать в расчет несколько недель недоедания и суровых условий заключения. Если она хочет заставить его за все поплатиться, нужно думать головой и выжидать.

– Должен признать, не ожидал, – продолжал Рук. – Особенно учитывая, в каком состоянии тебя привезли. Тебе удалось меня удивить.

Он посмотрел ей в глаза, и звездчатый шрам показался ей еще более зловещим, чем обычно.

– Но ты же у нас всегда выкарабкаешься, да?

Кива подняла голову, но ничего не ответила.

– Сказать нечего? – Он поднял бровь. – Какая жалость. Но я не поболтать с тобой пришел. С тех пор как ты сбежала, от тебя сплошные проблемы, Кива Меридан, – а точнее, Кива

Корентин.

Она постаралась ничего не выдать, но краски сбежали со щек, и лицо Рука вспыхнуло торжеством.

– Вот уж чего не ожидал, – сказал он. – Хотя теперь ясно, чего ты полезла в Ордалии. Родная матушка, во дела.

Он издевался, и Кива так сжала кулаки, что ногти впились в кожу.

– Но это все ерунда, я бы не трогал тебя, если б не этот твой принц, – сказал Рук, распаяясь. – Ты знала, что он пытался сместить меня с поста зрителя? Собирался даже выдвинуть обвинение, веришь ли. Но я подчиняюсь не Эвалону – по крайней мере, не только Эвалону. Я отвечаю перед правителями всех восьми королевств, и, если уж говорить о законах, решает большинство. В отличие от твоего принца Деверика, они-то ценят мои заслуги и понимают, что я спасаю весь Вендерол от худших отбросов общества. А уж как, это не их забота. Так все и шло, пока ко мне не прицепился твой принц.

Рук нахмурился, и Кива застыла.

– Они, может, и отказались прислушаться к обвинениям Деверика, но теперь за мной наблюдают куда плотнее, – сказал зритель. – И мне это не с руки. Совсем не с руки.

Он подался вперед – совсем немного, но достаточно угрожающе, чтобы Кива преисполнилась самых дурных предчувствий.

– Раз уж его тут нет, чтобы прочувствовать мое недоволь-

ство, то я решил, что оно достанется тебе – тем более ты уже поправилась.

Предчувствия Кивы окрепли, когда Рук махнул рукой и из-за угла выплыли два его телохранителя.

– Мясник уже тебя заждался, Н18К442, – сообщил Рук, когда новоприбывшие подхватили Киву под руки.

Она поняла его не сразу, но, когда поняла, сердце остановилось.

Рук растянул губы в усмешке и продолжил:

– У него и комнатка особая припасена – для тебя берег.

Глава третья

Тьма.

Вот и все, что осталось Киве, – все, чем осталась Кива.

Свернувшись в комочек в углу непроглядно-черной камеры в Бездне, она пыталась найти волю к жизни, а внутренние демоны нашептывали, что нужно сдаться, что все ее ненавидят и никто никогда не простит. Что нет смысла жить.

Эти мысли одолевали ее с тех самых пор, как организм очистился от ангельской пыли несколько недель назад, но неестественная тьма Бездны усиливала их, заставляя ее сворачиваться в клубок и зажимать уши, будто это могло заглушить осуждающие голоса.

Она оказалась в персональном аду – и этот ад она сотворила своими руками.

Отчаяние одиночной камеры Киве довелось пережить лишь раз – после того, как Джарен спас ее от испытания водой. Сенсорная депривация тогда чуть не погубила ее, но благодаря предупреждению Наари Кива знала, что к финальному испытанию ее освободят.

В этот раз никаких гарантий не было. Она знала только, что красная морда Мясника загорелась предвкушением, когда телохранители Рука приволокли ее днем в изолятор – он обрадовался так, что на секундочку сердце у нее ушло в пятки: Кива испугалась, что ее утащат прямо на порку. Окро-

вавленная плоть, кромсающая тело Джарена, до сих пор снилась ей в кошмарах. Но Мясник избавил ее от этого ужаса – у него имелись на нее другие планы и другие пытки.

– Боль уйдет, а темнота останется, – лукаво заявил он, воляча ее к Бездне, и швырнул ее внутрь, оставив один на один с ее собственными безжалостными мыслями.

Вина, горе, стыд не покидали ее ни на мгновение, пока медленно ползли секунды, потом минуты, потом часы. И все это время Кива вновь и вновь вспоминала одни и те же лица: Джарен, Наари, Типп, Кэлдон, Торелл.

Она слышала последние слова Джарена: *«Как... ты... могла?»*

Она слышала, как предупредил похолодевший Кэлдон: *«Убегай»*.

Она слышала, как обвинял ее дрожащим, полным слез голосом Типп: *«Ты К-Корентин?»*

А затем видела наглое лицо сестры, бледную, как луна, кожу, смеющиеся глаза цвета меда и ужасные слова, которые бесконечно вертелись у Кивы в голове: *«Отлично сработано, сестренка! Без тебя у меня бы ничего не вышло»*.

Если Рук собирался пытать Киву, лучше наказания, чем запереть ее с личными демонами, он бы не выдумал. Тьма лишь подпитывала их.

– Я не могу, – прошептала Кива, дрожа и раскачиваясь на месте. – Я не выдержу.

Она и не хотела выдерживать. Какой в этом смысл, если

она все потеряла? У нее ничего не осталось, ничего и никого.

Пусть лучше тьма заберет ее.

Пусть лучше все закончится.

Пусть лучше придет конец.

Но затем мелькнул свет, резкий и слепящий, и послышался чей-то рык, будто кого-то швырнули к Киве в камеру, и тело рухнуло на твердый камень, а дверь снова захлопнулась.

– *Сукинсын!* – прошипел у ног Кивы знакомый голос, ослабевший от боли.

Киве почудилось, что она видит сон. Или что она уже на том свете.

– Креста?

– Кто ж еще? – подтвердил ворчливый голос.

На миг у Кивы все вылетело из головы, но еще один стон боли заставил ее пошарить в темноте, пока она не нашла соседку, причем при первом же касании Креста охнула и отшатнулась.

– Что они с тобой делали? – спросила Кива, двигаясь осторожнее. – Где болит?

Креста сдавленно хохотнула:

– Лучше спроси, чего они *не делали* и где *не болит*.

Кива замерла, побоявшись причинить Кресте еще больше боли.

– Это из-за того, что произошло в тоннелях? – неуверенно спросила она.

– Понимаю, сложно поверить, – съязвила Креста, – но над-

зиратели типа Кости не особо церемонятся с теми, кто посмел им перечить.

Послышался шорох и приглушенная ругань. Когда Креста снова заговорила, она пыталась отдышаться, а голос раздавался совсем рядом – видимо, она ухитрилась встать.

– Стоило того. Видела бы ты их удивленные рожи!

– Это я виновата, – прошептала Кива. – Ты из-за меня здесь очутилась.

– Здесь я очутилась из-за *себя*, – отрезала Креста. – Никто не смеет силой помыкать более слабыми. Не останови ты меня, я бы с радостью им врезала. Уж поверь.

Слушая ее, Кива вспомнила спутавшиеся в голове первые дни ломки, когда Креста рассказывала о собственной семье и упомянула, что мать изо всех сил старалась «уцелеть» рядом с отцом. Подробности Киве были ни к чему – судя по всему, Кресте всю жизнь доставалось от мужчин, и сегодняшний день не стал исключением.

– Чем я могу помочь? – спросила Кива, бесполезно суется вокруг. Она ничего не видела: если бы не затрудненное дыхание Кресты, она бы и не догадалась, что та рядом.

– Суету прекрати, – ответила Креста. – Мясник зашвырнул меня к тебе только потому, что знал: тебя расстроит то, что он сделал со мной, а этот садист хочет тебя помучить. Но мне бывало и похуже, я скоро буду на ногах.

Она задумчиво помолчала и добавила преувеличенно безразличным тоном:

– Ну если только не хочешь ускорить процесс этой своей волшеббой.

Превозмогая потрясение, Кива ответила почти обвиняющим тоном:

– Так ты все-таки знаешь, кто я такая!

Креста молчала так долго, что Кива уже прикидывала, не отрубилась ли та. Но потом Креста ответила, тщательно подбирая слова:

– Когда начался бунт, я побежала прямо в лазарет. Мне было велено беречь Тильду, без нее я бы отсюда не выбралась. Повстанцы собирались забрать меня вместе с ней. Ну, так мне говорили.

Последнюю ремарку она буркнула себе под нос, но потом вновь заговорила громче:

– Я не успела. Мальчишка – Типп – уже лежал на земле, считай, без сознания, а Тильда... – Она замолчала, будто припомнив, с кем говорит, и дальше заговорила осторожнее: – Она услышала, как я подошла, вцепилась в меня из последних сил и потянула к себе. А потом назвала твое имя.

Кива спросила онемевшими губами:

– А она... Она еще что-нибудь говорила?

– Я объяснила, что я – не ты, но она только притянула меня поближе и сказала: «Передай ей, что я ее люблю. Передай, что я прошу прощения. Передай, что я пыталась...»

У Кивы на глаза навернулись слезы.

– Пыталась что?

Креста ответила нехарактерно мягко:

– Она не успела договорить. – И быстро добавила: – Я прикинула, что пацан не жалец, так что оставила его и пошла драться – меня бесило, что со смертью королевы я лишилась шанса сбежать и что я сама не догадалась, кто ты такая. До тех пор.

– Никто не знал, – тихо откликнулась Кива. – Никто и не должен был знать.

Еще одна пауза, а потом Креста сказала:

– Ты исцелила мальчика.

Кивок – пусть даже Креста не могла увидеть.

– Но твоя мать умерла, прежде чем ты успела вылечить и ее.

Кива не ответила – молчание говорило за нее.

Креста вздохнула:

– Да уж.

Кива невесело, с болью хохотнула.

– Не говори.

По щеке скользнула слеза, и Кива шепотом призналась:

– И это еще не самое скверное.

Во тьме Бездны Кива отбросила настороженность – к чему она ей теперь? – и рассказала Кресте все остальное. Все, что она так долго удерживала внутри: как их с отцом отправили в Залиндов, как она десять лет прождала мести, как в итоге оказалась в Речном дворце с кровными врагами и вдруг обнаружила, что они ей вовсе и не враги. Потом она рассказала

о том, что случилось на балу, и в довершение – как ее накачали наркотиками и вернули обратно в Залиндов.

Только теперь Креста, присвистнув, признала:

– Неудивительно, что ты такая развалина.

Кива решила, что отвечать бессмысленно. Это правда, она и была развалиной. И ее не починить.

Креста фыркнула, и Кива поняла, что последнее она произнесла вслух.

– Поверь мне, починить можно все, – твердо заявила Креста, выжившая в каменоломне. – Дышишь? Значит, еще жива, а значит, можешь исправить все, что сломала.

Кива покачала головой в темноте:

– Тут уже ничего не поправить.

– Боги, я уж и забыла, какая ты упертая, – буркнула Креста. – То есть тот придурочный тоннельщик – ну тот, которому я съездила по лицу, когда он вступился за твою девичью честь или что там еще, – он оказался твоим заклятым врагом?

– «Заклятый» звучит громковато, – слабо возразила Кива. И добавила себе под нос: – Да и «придурочный» тоже.

– Он соврал о себе, и не по мелочи, а в критически важном вопросе, так ведь? – давила Креста.

– Я ему тоже соврала, – вступилась за Джарена Кива. – И врала дольше, и бед это наделало куда больше.

Креста разочарованно хмыкнула.

– Давай-ка вместе прикинем. Он тебе соврал, но ты все

равно его простила. Он воплощает в себе все, что ты поклялась ненавидеть...

– «Поклялась»? – Кива скорчила гримасу. – Я такого не говорила!

– ...и все равно, – продолжала Креста будто сквозь зубы, – ты все-таки умудрилась в него втюриться.

Кива захлопнула рот, сердце пронзила боль.

– Не кажется ли тебе, что если он любит тебя так же, как ты его, – а судя по твоим словам, все говорит именно об этом, – то может быть, *может быть*, у тебя все-таки есть шанс?

– Он меня не простит, – севшим голосом ответила Кива. – Да и какая разница, я его больше не увижу...

– Может, и не простит, – согласилась Креста, перебивая ее. – Но разве он не заслуживает, чтобы ты хоть попыталась бы добиться его прощения после всего, что натворила?

– Да что я тут могу...

– И еще Наари, – продолжала Креста, не слушая возражения Кивы. – Она мне нравилась. Для охранницы она почти ничего.

Наари была больше чем «ничего», но Кива не стала поправлять Кресту, уверенная, что рыжая просто еще раз ее перебьет.

– Что-то мне подсказывает, что злобу она затаит, но даже здесь, в Залиндове, было очевидно, что ты для нее не чужая, – сказала Креста. – Думаешь, ей бы хотелось, чтобы ты

просто махнула на все рукой и сдалась? Разве ей бы понравилось, что ты бросила их разгребать твои делишки, даже не попытавшись ничего исправить?

У Кивы сдавило горло.

– Я не могу говорить за второго принца, как там его...

– Кэлдон, – тихо подсказала Кива.

– Да, он. Но кажется, он единственный знал про тебя всю правду и *все равно* остался на твоей стороне, даже после того, как твоя сестричка пырнула его двоюродного братца и умыкнула у них страну. Сдается мне, вернуть его доверие будет не особо сложно, если ты его вообще теряла.

Кива сжала губы, чтобы не дрожали.

– Ну а что до твоего брата, то понятия не имею, с чего ты решила, что подвела его, – он, вообще-то, гребаный генерал повстанцев! Уж если кто кого подвел, так это он тебя – почему он не вытащил тебя отсюда?

– Он пытался, – вставила Кива, вспомнив, как Торелл хотел вызволить ее и Тильду, но Зулика отозвала отряд.

– Лучше надо было пытаться. И быстрее, – твердо заявила Креста, и Кива вспомнила, что та тоже ждала атаки повстанцев. – Да и вообще, мог бы догадаться насчет планов вашей психованной сестрички и остановить ее, пока не стало слишком поздно. Магия смерти? Ну серьезно? – Креста неверяще фыркнула. – Любовь, конечно, слепа, но не настолько же.

– Откуда бы ему знать, что она...

– Ну, а пацан? – снова перебила ее Креста. – Ладно осталь-

ные, но за него-то ты должна бороться. У него, кроме тебя, никого нет.

Ее слова больно ранили Киву.

– Ему без меня лучше.

– Сама-то веришь в это?

– Я ему соврала.

– Да ты *всем* соврала, – равнодушно указала Креста. – Проехали. Что с того-то? Все врут. Я тебе постоянно вру, а ты все равно сидишь рядом.

Кива наморщила лоб:

– О чем ты врешь? – И добавила: – И, вообще-то, мне некуда деваться. Нас тут заперли.

– Тут уж ничего не поделаешь, – ответила Креста, проигнорировав первый вопрос. – Это не в нашей власти. А знаешь, что *в нашей*?

– Что? – Кива сама не знала, готова ли к ответу.

– Может, мы и застряли в Бездне – по крайней мере, пока что, – но только мы решаем, как это воспринимать. Можем паяться в темноту, пока она нас не сожрет, а можем осознать, что это лишь временно, и помнить, что когда-нибудь свет вернется, – сказала Креста. – Все зависит от точки зрения.

Она умолкла на миг, потом тихо сказала:

– Кива, ты же была бойцом. Разве твои друзья не хотели бы, чтобы ты боролась – не только за себя саму, но и за них? После всего что случилось, разве ты не задолжала им хотя

бы это?

У Кивы в горле встал комок, который она не смогла сглотнуть. Она чувствовала его в своем голосе, выдавливая в ответ:

– Какая разница? Я все равно никогда больше их не увижу.

– Один раз ты уже сбежала из Залиндова. Кажется, для тебя нет ничего невозможного.

– Тогда мне помогли. А в этот раз никто и не знает, что я здесь – ну, разве что Зулика с Миррин и охрана, которая меня привезла.

Креста задумчиво хмыкнула.

– Ладно, признаю, так будет посложнее. Но все равно, никогда не говори «никогда».

Зашуршала одежда, когда она пошевелилась, затем раздался стон боли, и Кива вспомнила о ранах Кресты.

Отстранив тревогу, Кива предложила:

– Прежде чем ты начнешь перечислять, почему мне следует готовиться к побегу, постой минутку спокойно, дай тебя вылечу.

Она пододвинулась, коснулась ладонями тела Кресты, закрыла глаза и воззвала к магии в крови. Кива никогда этому не училась и понятия не имела, что делает, но долгие годы сила бурлила совсем рядом, ждала ее, готовая откликнуться на любой приказ. Даже когда Кива изо всех сил пыталась подавить дар, она все равно слышала его шепот. Только после

побега из Залиндова сила начала бесконтрольно вырываться наружу, требуя внимания.

А теперь, попытавшись призвать магию, Кива удивленно поняла, что уже несколько недель ее не ощущала – с той самой ночи бала-маскарада.

Вновь открыв глаза, она не увидела ничего, кроме тьмы Бездны, и застыла, вспомнив, как Зулика колдовала свою темную магию. Внутри Кивы дремало то же самое зло. Одна мысль, и вместо исцеления она убьет Кресту.

– Что-нибудь должно происходить? – нетерпеливо спросила Креста.

– Я... – Кива сглотнула. – Дай мне минутку.

Закусив губу и не обращая внимания на то, как от тревоги на коже даже в стылой камере выступает пот, она прогнала все мысли о темных, сумрачных щупальцах магии. Ее дар был добром, он помогал людям, исцелял их. Она бы никогда не применила его во зло.

Набрав воздуха, чтобы успокоиться, Кива вновь призвала дар, и на этот раз ощутила, как он колышется внутри. Но едва золотой свет заплясал на пальцах, снова нахлынула паника, и свечение исчезло, оставив их в прежней темноте.

Креста ехидно заметила:

– Ну и времечко ты выбрала, чтобы разучиться.

Кива потрясенно ответила:

– Прости. Наверное... Просто устала. Магии нужна энергия, а у меня ее не слишком много в последнее время.

Так и есть, сказала себе Кива. Она измождена, недоедает и измотана эмоционально. Чем подпитываться дару? Наверное, поэтому он и молчал все это время. Если бы ее обучали, она бы, возможно, умела призвать силу даже в таких условиях, но все, что она знала о даре, она узнала сама. И в основном путем проб и ошибок при содействии большого везения.

Везение, очевидно, закончилось.

– Не переживай, – сказала Креста. – Я же говорю, со мной все более-менее, через пару дней буду как новенькая.

Киву охватила вина за неудачу – за *еще* одну неудачу. Креста так много помогала ей с возвращения в Залиндов, а она не смогла даже в благодарность облегчить ее боль.

– Я практически слышу, о чем ты думаешь, – буркнула Креста. – Хватит. Я в норме.

– Ты ранена, – возразила Кива. – А я...

– Да ерунда. Видела бы ты, что со мной сделали после бунта. Вот *тогда* было так себе.

Кива поморщилась. Тогда она, допустим, не слишком любила Кресту, и не факт, что любила ее теперь, но чужие страдания никогда не доставляли ей удовольствия.

– Будь я умнее, осталась бы в лазарете, когда до меня дошло, кто ты такая, – можно было догадаться, что если ты переживешь Ордалию, то отправишься прямо к матери и пацану, – протянула Креста. – Сбежали бы вместе.

Кива попыталась представить себе это – как Креста бежит из Залиндова вместе с ней, Наари, Джареном и Типпом, –

но такую картинку было сложно даже вообразить. Однако от вопроса она не удержалась:

– Все это время ты ждала, пока повстанцы тебя освободят?

– Да толку-то с того, – буркнула Креста.

– А как ты... В смысле... Я все думаю... – снова попыталась Кива. – Как ты попала в повстанцы?

– Вставай.

Кива вздрогнула:

– Что?

– Хочешь получить ответ, так заслужи его. Поднимай бул-ки.

Кива свела брови:

– Я не...

– Мама всегда говорила: когда плохо, нет средства лучше, чем движение. Посиди долго не двигаясь, и проблемы совсем одолеют. У тебя проблем навалом, и они слишком давят. Я уже говорила: надо вернуть тебе силу духа. Вот сейчас этим и займемся.

– Но я...

– Зад поднимай, лекарь.

– И дальше что? – огрызнулась Кива. – Не то чтобы мне было, куда идти. Мы с тобой вдвоем в эту камеру еле помещаемся.

– Что я говорила про восприятие? В замкнутом пространстве кучу всего можно переделать. Ты вот рассказывала, как

тренировалась с этим своим принцем... с братом...

– С Кэлдоном, – снова напомнила Кива.

– Бег выкидываем, а большая часть остальных упражнений была на силу, равновесие и выносливость, и везде надо просто повторять определенные движения.

Кива нахмурилась:

– Да, но...

– Вот их ты сейчас и будешь делать. Пока мы тут заперты, будешь шевелиться и тренироваться. Разгонишь кровь, проочишь мысли, – заявила Креста. – И может быть, как отвлечешься от ненависти к себе, поймешь наконец, что у тебя, вообще-то, есть повод жить – и еще что есть люди, которым тоже хочется, чтобы ты выжила, пусть ты в это и не веришь.

У Кивы защипало в глазах.

– Зачем тебе это? – прошептала она в темноту. – Почему тебе не все равно?

– Когда тебя принесли, было все равно, – прямо ответила Креста. – Но ты прилипчивая, как сыпь, подцепил – не избавишься.

Кива невольно фыркнула от смеха.

Креста вновь посерьезнела и тихо добавила:

– Все заслуживают, чтобы за них боролись, даже когда – особенно когда – ты сам за себя бороться не в состоянии. Когда-то ты тоже так сделала. Боролась за меня, спасла мне жизнь, и с тех пор я каждый день тебя ненавидела, потому что мне приходилось делать то же самое: бороться, каждый

день бороться, день за днем. А это *нелегко*. Трудно, мучительно, *больно*. Но потом я поняла, что это тоже часть жизни, и когда-нибудь все окупится. Пришлось в это поверить – за себя и за тебя.

И она закончила громче и тверже:

– Так что поднимай зад, лекарь. Пора тренироваться.

Киву охватила буря эмоций: огорчение, гнев, раздражение, но вместе с тем и проблеск чувства, которого она не испытывала уже очень давно – надежды.

Креста была права: ради близких Кива обязана встать, держаться, *сражаться*. Она не представляла, как все исправить, и не знала, будет ли у нее вообще возможность, учитывая, что она сидит в тюрьме, но, если есть хоть малейший шанс заслужить их прощение, она должна постараться. Ради них – и ради себя.

Так что она поднялась на ноги.

А потом под понукания Кресты Кива принялась выполнять упражнения, которые Кэлдон каждое утро вбивал в нее в Речном дворце. Ящика, на который нужно вставать, у нее не было, так что вместо этого она приседала, пока не начали гореть бедра. Пробежаться вокруг казарм она не могла, и потому трусила на месте, пока не завопили легкие. Тренировочного меча не имелось, но она все равно припомнила и повторила все выпады и блоки, пока по лицу не покатился пот.

Креста сдержала обещание и все это время рассказывала

о себе.

– Я уже говорила, что мне было десять, когда сестра свалилась с передозом, – сказала она, пока Кива стояла на одной ноге, высоко задрав руки. – Через год батя вышел из себя, как никогда раньше, и начал вымещать злобу на мне. Но сестра вмещалась, попыталась его остановить, бросилась мне на защиту с неожиданной для него яростью. Он... Она... Они...

Креста умолкла. А когда заговорила вновь, голос был жестким и спокойным:

– За одну ночь я потеряла всех, кроме матери. А мне было всего одиннадцать. Мы остались одни, перепуганные, из имущества – только одежда на нас. Я до сих пор не представляю, как мы пережили те первые пару недель.

Кива не могла вздохнуть, слыша, какая боль скрывается за каждым словом. Чувствуя эту боль. Правая нога задрожала, так что она опустила ее на землю и подняла другую, снова подняла руки и замерла.

– После этого мы долго жили чужой милостью – бродили от деревни к деревне, выбирались из Мирравена на юг и наконец незаконно перешли границу Эвалона.

Кива так удивилась, что переспросила:

– Так ты из Мирравена?

– Когда-то там жила.

– У тебя нет акцента.

– Когда мы перешли границу, нам не хотелось выделяться, – ответила Креста. – Спрятать от других то, что не хочешь

показывать, просто. Уж тебе ли не знать.

Признав ее правоту, Кива снова сменила ногу.

– Несколько лет мы бесцельно бродили, нигде не оставаясь надолго. У матери не было плана, она просто пыталась выжить, уберечь нас обеих. Но потом, когда мне было шестнадцать, она заболела. Легочная гниль. Она быстро разрослась, и скоро мама уже с трудом дышала и кашляла кровью.

Кива поморщилась. Легочная гниль была ужасной болезнью, и от нее мало что помогало. Больные обычно умирали за несколько недель, а иногда и за считанные дни.

– Едва оказавшись в Эвалоне, мы сразу услышали, что некая наследница Корентинов встала во главе повстанцев, – продолжала Креста. – Нам не было дела до старой свары между Сараной и Торвином, как и до того, кто сидит на троне Эвалона. Проблемы чужого престола нас не касались, так что мы держались подальше от любых сторонников что Валлентисов, что Корентинов, ни с кем не водили дружбы, жили сами по себе. Но когда болезнь приковала маму к постели, деревенский лекарь вскользь упомянул магию Тильды Корентин – жаль, сказал он, что повстанцы не набирают солдат неподалеку.

Кива припомнила слова Торелла о первых годах правления Тильды, о том, как она с помощью дара исцеляла всех, кто нуждался в помощи. Лишь потом она начала требовать, чтобы они заслужили исцеление, чтобы они доказали верность делу повстанцев, прежде чем получить лечение. Если

тогда Кресте было шестнадцать, значит, все происходило лет пять назад – видимо, тогда Тильда еще лечила людей.

– Я понимала, что шансы малы, но кроме мамы, у меня никого в мире не было, и ради нее я готова была на что угодно, – сказала Креста. – Так что я оставила ее на попечение лекаря и отправилась на поиски Мятежной королевы.

Кива пошатнулась и лишь через несколько секунд смогла восстановить равновесие.

– Нашла ее?

– Нет, – ровно ответила Креста. – Я нашла достаточно зацепок, чтобы подобраться к самому лагерю, но потом ошиблась и спросила не того человека, куда идти. Он оказался королевским стражником под прикрытием и арестовал меня по обвинению в государственной измене.

Голос у нее охрип.

– Прямо перед тем, как меня посадили в тюремную повозку, принесли сообщение от маминого лекаря – он сказал, что она умерла. Я с ней даже не попрощалась.

Кива поставила ногу на землю, опустила руки.

– Креста... – она умолкла, не представляя, что сказать.

– Никогда не думала, с чего я решила убить себя, когда меня только привезли? – спросила Креста.

Конечно, Кива думала об этом. Но даже не полагала, что...

– Не тебе одной казалось, что ты потеряла все, – тихо сказала Креста. Но потом продолжила уже громче: – Я уже го-

ворила: я всерьез ненавидела тебя за то, что ты меня спасла. Каждый раз, когда ты попадалась мне на глаза, я вспоминала, что ты лишила меня выбора. В отместку я приложила все усилия, чтобы сделать твою жизнь неприятной.

«Неприятная», – это мягко сказано, решила Кива.

– Но потом я поняла, что тебя надо благодарить за то, что ты сделала. И я очень благодарна. Жизнь стоит того, чтобы жить, даже если иногда хочется умереть. Вот чему меня научили последние пять лет.

Она помедлила, сомневаясь, потом добавила:

– Я знаю, что раньше этого не говорила, но спасибо тебе. Без тебя меня бы здесь не было.

Пытаясь обуздать эмоции, Кива ответила:

– Пожалуйста. Но мы же обе понимаем, что и я могу сказать то же самое. Без тебя я не пережила бы ломку. И после ни дня бы не выжила.

– Мне казалось, ты и не собиралась выживать? – выразительно спросила Креста.

Кива фыркнула, то ли раздраженно, то ли смешливо.

– Так уж вышло, что я сблизилась с одной самодовольной девчонкой с каменоломни, которой, кажется, вздумалось, что мне следует еще немножко покоптить небо. Надо, говорит, возместить ущерб, заслужить прощение.

– Она дело говорит, – признала Креста. – Ты бы прислушалась.

В этот раз в Киве победил смех. Потянув усталые мышцы,

она заметила:

– Я так и не поняла, как ты в повстанцах-то оказалась.

– Как бы со стороны это ни выглядело, одной из них я так и не стала, просто работала на них. Типа того, – ответила Креста. – Тут один охранник – из их братии, он меня и завербовал, сказал, что закроет глаза на самые громкие мои выходки, если я буду докладывать про...

Креста резко умолкла.

– Боги, поверить не могу, что до меня так и не дошло!

– Что?

– В мои задачи входило вербовать заключенных и устраивать беспорядки, но еще мне полагалось шпионить, особенно за *тобой*. Я думала, это потому, что ты закадычная подруга надзирателя и им хотелось поближе наблюдать и за тобой, и за ним. А теперь понимаю, что это, наверное, приказали твои родные – хотели за тобой присматривать.

Кива подумала о том, как за эти десять лет в заключении она лишь время от времени получала зашифрованные записки, из которых и узнавала хоть что-нибудь о жизни мамы, брата и сестры, и сама посылала наружу лишь кратенькие сообщения с новостями. Она не знала, что и чувствовать, услышав, что они через других заключенных приглядывали за ней. Но отодвинула это в сторону и спросила:

– Ты говорила, что тебе нет дела до вражды между моей семьей и... И семьей Джарена. – На его имени Кива чуть запнулась. – Наверное, я просто недопоняла, зачем ты согла-

силась с ними работать. Особенно учитывая... Ну, что это из-за них ты тут оказалась – косвенно. Разве ты на них не злилась?

– Я на всех злилась. Ты же знаешь.

– Тогда зачем...

– Они предложили сделку, – ответила Креста. – Если я на вербую достаточно заключенных, повстанцы придут и освободят нас. До их восстания мне никогда дела не было – я всерьез говорила, что стараюсь держаться подальше от королевских делишек. Корентины, Валлентисы – не мои проблемы, кто правит Эвалоном. Но я увидела шанс на свободу и воспользовалась им.

Кива обдумала ее слова и поняла, что большинство на месте Кресты поступили бы так же. Ничего удивительного, что ей было так важно, чтобы Кива помогла Тильде выжить – ведь тогда повстанцы наконец освободили бы Тильду и заодно и их всех.

В голове у Кивы закрутились колесики, и она спросила:

– А что с тем охранником? Может, он помог бы передать весточку...

– Умер, – равнодушно ответила Креста. – Стоял в карауле на вышке, когда та взорвалась.

Кива поморщилась:

– И кому ты теперь докладываешь?

– Никому, – зевнула Креста. – Если я все правильно поняла, моим повстанческим денькам пришел конец. Тем бо-

лее после всего, что ты рассказала про свою сестру. Правда думаешь, что я совсем чокнутая, что полезу в *такое*? Нет, спасибочки.

– Она огорчится, – пробормотала Кива, вспоминая слова Зулики о Кресте: *«Она очень помогает нашему делу даже в стенах тюрьмы»*.

Кива позлорадствовала, что Креста никогда не была по-настоящему предана повстанцам, а работала с ними только из корысти, пытаясь уберечь себя.

– Жизнь полна огорчений, – снова зевнула Креста, на этот раз погромче. – К тому же мне что-то не хочется болтаться рядом с человеком, который силой мысли сердца останавливает.

Повисла неловкая, натянутая тишина, а потом рыжая откашлялась и заявила:

– Присутствующие не в счет.

Не позволив страху завладеть собой, Кива прыснула от смеха и сама удивилась, насколько легче ей стало после долгого периода беспросветности. И тут Креста рассмеялась вместе с ней – голова кругом шла от изнеможения и боли, и еще оттого, что бывшие враги теперь оказались заперты вместе в тесной темной клетке и искренне делились болезненным прошлым.

Лишь отсмеявшись, Кива вновь услышала, как зевает Креста, и откликнулась:

– Поздно уже. Давай спать, сон лечит.

– А тебе надо отдохнуть, чтобы завтра продолжить тренировки, – ответила Креста, поддразнивая Киву.

Но та ответила только:

– Знаю.

Потому что в ней что-то изменилось, зажглась вновь некая искорка. Тьма внутри отравила её целые недели, но теперь наконец забрезжил свет, пусть даже всего лишь огонек вдалеке. До него еще придется дотянуться, побороться. Но, как она уже выяснила, половина битвы – это собрать волю в кулак и попытаться.

Так что, свернувшись на холодном полу и закрыв глаза, Кива не стала перебирать в уме, что и кого потеряла, а вспоминала их лица – Джарена, Наари, Кэлдона, Типпа, Торелла – и думала о том, как сильно их любит.

За них стоит драться.

За них стоит жить.

И пусть даже непонятно как, она найдет способ заслужить их прощение.

Потому что они это заслужили – и она тоже.

Глава четвертая

Ни Кива, ни Креста не могли отследить, сколько времени они вместе пробыли взаперти в Бездне. Шли дни, Креста успела полностью выздороветь и начала тренироваться вместе с Кивой, и в темноте они нередко сталкивались и спотыкались друг об друга.

Они пытались замерять время по еде – ее приносили дважды в день, насколько они поняли, и это было больше, чем давали Киве во время Ордалий, но все равно меньше, чем им требовалось, особенно с такими интенсивными тренировками. Кива была постоянно голодна, но считала, что это хороший знак, потому что до этого она неделями жила без аппетита, слишком погрузившись в свое горе. Мама Кресты оказалась права: чем больше Кива тренировалась, тем лучше себя чувствовала, и физически, и психически. Ей почти понравилось сидеть взаперти с Крестой, чья язвительность держала ее в тонусе и заставляла трудиться до предела и еще больше.

А потом, примерно через десять дней после их заключения дверь в камеру открылась.

– Наружу, – грубо приказал Мясник.

Кива как раз закончила усердно приседать и отдыхала у стены, пытаясь восстановить дыхание, но, услышав резкий приказ, торопливо выпрямилась. Сердце у нее ушло в пятки.

– Быстро! – нетерпеливо велел он.

Кива с трудом поднялась на ноги и вслед за Крестой вышла наружу; обе прикрывали глаза от слепящих люминиевых фонарей – слишком долго они просидели в темноте.

– Не ты. – Мясник схватил Кресту за плечо и пихнул ее назад. – Тебя не звали.

Он снова захлопнул тяжелую каменную дверь, оставив Кресту в камере, а Киву в одиночестве.

– Шевелись, – велел он, подталкивая ее вперед. Наморщил нос и отошел подальше. – Боги, ну и вонища.

При других обстоятельствах Кива сгорела бы со стыда, но теперь радовалась, что десять дней без возможности помыться заставляют Мясника держаться от нее на расстоянии.

– Некогда тебя отмывать, – продолжал он. – Придется им потерпеть твой запашок.

«Кому – им?» – хотелось спросить Киве. Но, заметив, как его рука сжалась на плети, она мудро промолчала.

Мясник повел ее вверх по каменным лестницам, по сумрачным коридорам изолятора, и наконец они вышли наружу. Пока Кива сидела в Бездне, весна сменилась летом, и солнечный свет был так ярок, что пришлось смаргивать слезы, когда Мясник вытолкнул ее наружу.

– Давай шевелись.

Кива спотыкалась, пока глаза привыкали к яркому свету. Ей ужасно хотелось узнать, куда они идут, но потом стало страшно: Мясник провел ее через всю территорию, мимо

спуска в тоннели, прямо к воротам. Над южной стеной располагались личные покои зрителя – неужели это он ее вызвал? Неужели ее вытащили из Бездны лишь ради новой пытки?

Кива задрала подбородок и решила, что вынесет все, что ей уготовано. Если время, проведенное в Бездне, чему и научило ее – если *Креста* чему-то ее научила, – то тому, что многое зависит от отношения. У Рука было ровно столько власти, сколько она ему давала. Он мог сломить ее тело, но не дух. Только если она ему это позволит.

Несколько недель она поддавалась тьме Залиндова, да так, что хотелось умереть, лишь бы не чувствовать боли от собственных ошибок. И хоть она никуда не делась – и не денется, пока не выпадет шанса попытаться исправить положение, – эта боль больше не владела ею.

Она пережила это и переживет что угодно – и не потому, что в обратном случае *Креста* ей навалит.

Собираясь с духом, Кива пошла за Мясником дальше, в караулку охраны, к железным воротам в высоких известняковых стенах. Она впервые подошла так близко к внешнему миру с тех пор, как ее привезли сюда почти семь недель назад. Добавить еще полмесяца пути из Валлении, и выходит, что Кива пропала больше двух месяцев назад. Внутри все сжалось при мысли о том, что могло произойти за это время, но она торопливо задушила этот страх, потому что понимала, что ничего не может с этим поделать – пока что.

– Жди тут, – велел Мясник, остановившись прямо перед воротами.

Кива нахмурилась и удивилась еще сильнее, когда он вошел в сторожевую башню, нависающую над въездом в тюрьму.

Ее подмывало сбежать, но она знала, что это плохая идея. Прятаться было негде, а если охране придется ее искать, последствия ей не понравятся. Но в голове все равно бурлили вопросы – и их стало еще больше, когда она выглянула за ворота и увидела там четверку темных лошадей, запряженных в черную карету. Она была полностью закрыта, отделана полированным серебром, а окна прикрывали тяжелые занавеси. На передке сидели двое: они были одеты примерно так же, как охрана Залиндова, только кожаная броня на них была серой, а не черной. Один из них держал поводья.

Кива подалась вперед, чтобы разглядеть получше, но отскочила назад, когда из башни высыпала небольшая группа надзирателей и направилась к ней. Впереди шел смотритель – выражение лица у него было такое, что Кива попятилась еще, – а рядом шагал Мясник. Но внимание Кивы было приковано к трем незнакомцам в серой коже – двум мужчинам и женщине, которые с интересом разглядывали ее.

В их взглядах не было ничего непристойного, и лишь поэтому Кива смогла выдержать этот осмотр. В их глазах читалось скорее любопытство – и еще отвращение, все-таки выглядела она неважно.

– Переодеть в чистое ее не могли? – спросила женщина, чьи каштановые волосы были стянуты в строгий пучок. Услышав ее акцент, Кива охнула и вновь осмотрела доспехи – она их узнала, и внутри у нее все оборвалось.

Женщина была мирравенкой. А броня у нее – да у них всех – была такая же, как та, в которую были облачены бойцы мирравенского отряда, похитившего Киву, чтобы шантажировать Джарена, – те самые мирравенские солдаты короля Навока, который заключил с повстанцами союз в обмен на их помощь при вторжении в Эвалон. Именно эту сделку заключила мать Кивы, чтобы оказаться в Залиндове, и по условиям этой же сделки Зулика должна была выйти за Навока, скрепив союз двух королевств браком.

Тревожно разглядывая одетую в серое группу, Кива задавалась вопросом, не следовало ли все-таки убежать и спрятаться, и плевать на последствия.

– Ты велела привести ее, – ответил Рук, играя желваками на скулах. – В каком состоянии, не уточняла.

Женщина бросила на него сердитый взгляд, но один из ее спутников, тот, что повыше, прервал ее, сказав с таким же сильным акцентом:

– Да неважно. Переоденем по пути.

Кива мысленно повторила его слова, пытаясь их осознать. Звучало так, будто...

Да нет. Наверняка слышалось.

– Вы же понимаете, что если заберете ее, то навлечете на

себя гнев новых королей Эвалона, – с угрозой сказал Рук. – Вряд ли им придется по нраву, что вы освободили одну из самых ценных их пленниц.

Кива уставилась на него, потом обернулась на солдат в сером, не смея надеяться. Они правда заберут ее из Залиндова? Неужели свобода так близко?

– Королева Зулика лично отдала приказ, – сказала женщина, все еще хмуро взирая на Рука. – Кива Корентин должна присутствовать на королевской свадьбе. Приказ вы получили – вам велено передать ее под нашу ответственность. Незамедлительно.

Королевская свадьба. Кива не могла поверить своим ушам: Зулика в самом деле на это согласилась. Выйти замуж за Навока, за человека, которого, насколько Кива знала, она никогда не видела. Новый король Мирравена слыл человеком коварным, проницательным и невероятно жестоким – настолько, что убил собственного отца, чтобы занять трон. Как Зулика могла согласиться на мамину сделку, особенно если от нее требовалось связать себя с таким вот человеком? И что более существенно, зачем допускать на свадьбу Киву? Неужели за прошедшие два месяца совесть разыгралась, и теперь Зулика хочет извиниться? Или Торелл узнал, куда сослали Киву, и потребовал ее освободить? Или у этого великодушия имеется какая-то еще причина?

Узнать было неоткуда, равно как и выяснить, почему за ней явились мирравенские солдаты, а не эвалонские.

Все это очень ей не нравилось, но если это значит покинуть Залиндов, обрести свободу...

Глупо было бы не воспользоваться таким шансом. Так она оказывалась еще на шаг ближе к друзьям – и к тому, чтобы заслужить их прощение.

Не веря собственному счастью, она обернулась к смотрителю. Он так скрежетал зубами, что слышали все вокруг, но коротко кивнул ей, обозначая свое неохотное согласие. Темные глаза полыхали пламенем, когда он встретил взгляд Кивы и заявил:

– Ты вернешься. И я буду ждать.

Затем он махнул охране у ворот, молча приказывая не вмешиваться, развернулся и медленно ушел.

Мясник двинулся за ним, но перед этим ухмыльнулся Киве через плечо и сообщил:

– Попрощаюсь за тебя с подружкой.

«Креста».

Кива бросила взгляд в сторону изолятора, хоть его отсюда и не было видно. После всего что сделала Креста, Киве претит сама мысль бросить ее, но она ничего не могла поделать: три мирравенских солдата вывели ее из ворот к карете.

– У меня там подруга... – начала Кива.

– Молчать! – отрезала женщина.

– Но она...

– Замолчи, или отрежу язык.

Кива похолодела, осознав, что мирравенка не блефует. У

нее при себе имелось немало оружия, а двигалась она с уверенностью, говорящей о том, что пользоваться этим оружием она умеет. Каким бы приказам она ни следовала, среди них явно не говорилось «будь помягче».

Может, Зулика вовсе и не смягчилась – да Кива и не поверила бы, заяви сестра такое при встрече.

Пока ее сажали в карету, Кива обернулась в последний раз и не смогла понять, что ощутила при этом. В основном облегчение от неожиданной свободы, тревогу из-за новых тюремщиков и печаль из-за того, что пришлось бросить Кресту.

Облегчение было сильнее всего, но печаль не отступала. «Я вернусь за тобой, – мысленно поклялась она. – Обещаю».

А потом дверь кареты закрыли на замок, и она осталась сидеть в свете люминия напротив высокого солдата, а женщина и второй мужчина поехали верхом впереди кареты, увозя Киву из Залиндова.

Увозя ее навстречу свободе.

Глава пятая

Едва они проехали сквозь густой Чернодревный лес, как Кива поняла, что они едут на север, а не на юг. Это объясняло, почему за ней приехали мирравенцы: вероятно, свадьба планировалась в замке Навока в Задрии, а не в Речном дворце Валлени.

Это открытие расстроило и встревожило Киву, потому что с каждой милей она удалялась от друзей.

В голове роилось множество мыслей, пока они ехали в дикое северное королевство. Зулика уже с Навоком? Когда свадьба? А потом Киву отправят обратно в Залиндов? И если да, то как сбежать и вернуться в Валлению в одиночку?

Она слишком многого не знала, и все эти вопросы занимали ее разум, пока ландшафт менялся с пышных горных лесов Эвалона на скалистые пустоши Мирравена, и чем дальше они ехали, тем сильнее преобладали эти серые каменистые равнины. Теплой встречи от этого королевства явно ждать не стоило, но Кива подбадривала себя мыслью о том, что по мере приближения к столице она приближается и к шансу на побег.

Чтобы не сойти с ума, она старалась делать упражнения, к которым они с Крестой приучили себя в Бездне, каждый раз, когда они останавливались переночевать – обычно они разбивали лагерь у дороги или ночевали в какой-нибудь таверне

в одной из унылых дереvушек по пути. Энергичные движения помогали держать мысли в узде и бороться с тьмой, которая одолела ее в первые дни в Залиндове. Если она вновь погрузится в эту всепоглощающую беспомощность, не станет лучше ни ей, ни кому-то еще. А учитывая, что мирравенцы кормили ее как на убой («Да ты ж совсем кожа да кости», – буркнула ей мирравенка), Кива потихоньку восстанавливала форму, которую потеряла, покинув Речной дворец. Ей еще было над чем работать, но она очень старалась укрепнуть и физически, и психически, чтобы быть готовой к грядущему.

Пока они ехали на север, Кива припоминала, что ей известно о Задрии и королевской семье Килдарион. Она уже знала, что от короля Навока лучше держаться подальше, но его сестра, принцесса Серафина, считалась его полной противоположностью, воплощением доброты. А впрочем, она ведь любила Миррин, и одного этого хватило бы, чтобы Кива усомнилась насчет ее характера.

Кроме брата и сестры, из этой семьи она мало о ком слышала. Их отец, Арракис, умер трудами Навока, а мать будто бы сбежала несколько лет назад, бросив двоих детей, – и ходили слухи, что она не успела выбежать даже за пределы дворцовой ограды, как Арракис выследил ее и убил. Кроме этих скудных сведений, у Кивы ничего не было. О самой Задрии она тоже практически ничего не знала: слышала только, что это столица Мирравена, расположена она в центре страны и отрезана от моря. Ей было не по себе, но все равно

разбирало любопытство глянуть, как выживает город посреди этой каменистой пустоши.

Спустя дюжину дней малоприятного путешествия они наконец добрались до Задрии, и растрескавшаяся бесплодная земля начала полого подниматься. Не скрывая любопытства, Кива распахнула занавески кареты и уставилась на вид, который расстилался перед ней.

Город был построен на открытом всем ветрам сером горном склоне. Деревьев не было – только скалы да валуны, насколько хватало глаз. Солнце уже ушло за горизонт, так что темные здания, спиралью уходящие к самому верху горы, освещали фонари. На вершине пристроился замок из почерневшего камня – не дворец, а крепость.

Киве стало не по себе, когда они добрались до укрепленных стен города – и по толщине, и по высоте они раза в три превосходили известняковые стены Залиндова. Ворот не имелось – входом служила часть самой стены, которая медленно открылась перед ними громадной каменной дверью, когда стража впустила их внутрь.

Карета застучала по неровной брусчатке улочек, поднимаясь к нависающему замку, и Киву пробрало до мурашек. Она попыталась посмотреть в окошко, но в темноте мало что получалось разглядеть, здания сливались воедино, а горожане, которым хватило отваги выйти на пронизывающий холод, накидывали капюшоны плотных плащей. Если в Мирравене таким было лето, Киве и представлять не хотелось,

какими кошмарными были зимние месяцы. Она провела руками по дорожной одежде, которую ей выдали вскоре после отъезда из Залиндова – темно-зеленая рубашка с поясом, коричневые штаны и пара теплых сапог, – и ощутила благодарность за то, что ее стражи, суровые и немногословные, все-таки давали ей каждую ночь теплое одеяло. Вообще говоря, они хорошо о ней заботились – уж куда лучше, чем все, с кем она столкнулась в Залиндове.

Кива вспомнила о Кресте, все еще запертой в тюрьме, и сердце сжалось, но она сказала себе, что если Креста продержалась в каменоломне пять долгих лет, то и еще немного протянет. Хотелось думать, что после проведенных вместе дней Креста будет верить, что Кива за ней вернется, что Креста понимает, скольким Кива ей обязана и что она непременно вернет этот долг, как только подвернется возможность.

Когда карета добралась до верхней точки города и замедлила ход, Кива выбросила рыжую из головы и насторожилась. Она торопливо прикинула, не стоит ли выпрыгнуть и убежать – все лучше, чем встречаться с сестрой и будущим зятем, – но одного взгляда на бдительную мирравенку напротив хватило, чтобы понять, что ничего не выйдет.

Когда они пересекли каменный подъемный мост – и как только местные ухитрились выкопать ров в горе? – Кива собралась с духом и постаралась, как могла, успокоить дыхание. Что бы сестра ни заявила в свою защиту, ее поступков ничем не извинить. Кива не собиралась ни сдаваться, ни про-

щать. По крайней мере, пока Зулика не вернет краденую корону. А этого, как Кива уже поняла, не произойдет.

Миновав двое железных ворот, карета наконец стала замедлять ход у подножия гранитной лестницы, что вела ко входу в замок. Наверху кто-то стоял, но яркий люминиевый свет освещал его со спины, и лица было не разглядеть. Однако силуэт был женский, и на мгновение у Кивы перехватило дыхание, но потом они подъехали ближе, и она увидела, что это не ее сестра, так что сердце вновь унялось.

«Я не готова», – подумала Кива, не представляя, где найти силы встретиться с Зуликой после всего, что та натворила.

Предательство.

Смертельная магия.

Ангельская пыль.

Заключение.

Слишком много всего.

«А выбора-то все равно нет», – поняла Кива, собираясь с духом; стражница отперла дверь кареты и выпихнула Киву на мороз.

Кива скатилась по ступенькам и метнула на мирравенку гневный взгляд, но та, не обратив внимания, махнула солдатам на облучке и остальным, кто сопровождал их верхом. После быстрого обмена кивками мирравенцы отправились дальше в замковый двор – очевидно, в поисках конюшни и казарм.

Теперь, вблизи, Кива заметила, что земля вокруг была

удивительно плоской, будто какое-то древнее божество срезал мечом верхушку горы, создав место для замка с обширным двором, который короной возвышался над городом. Если бы не всеобъемлющий ужас, Кива с радостью и восторгом все бы здесь осмотрела. Но вместо этого ее прошибло холодным потом, несмотря на стужу, и тревога лишь возросла, когда стражница подтолкнула ее к лестнице.

У женщины, которая вышла их встречать, были седые волосы, собранные в низкий пучок, и много морщин. Одетая она была в черное платье с кроваво-красным передником на талии, а выражение лица говорило, что у нее еще куча дел поважнее.

Кива шагнула вперед – частично потому, что стражница опять подтолкнула ее, – и сказала:

– Эм, здравствуйте, я Кива Мер... э-э-э, Корентин. Моя сестра...

– Я мадам Мерит, экономка, – перебила седая дама. У нее был легкий акцент, говорила она четко и строго. – Добро пожаловать в замок Блэкмаунт.

Тон у мадам Мерит был вовсе не гостеприимный, в отличие от слов.

– Спасибо, – запинаясь, ответила Кива. – Не могли бы вы подсказать...

– Если изволите проследовать за мной, – вновь прервала ее мадам Мерит, – мы приведем вас в порядок перед аудиенцией у Его Величества. Вы, несомненно, устали в дороге,

но у него плотный график и он желает встретить вас перед тем, как отойти ко сну.

При мысли о том, чтобы вот так сразу встретиться с королем Навоком, у Кивы застыла кровь в жилах. Как минимум она надеялась сначала поговорить с сестрой.

– Простите, а Зулика...

– Сюда, пожалуйста, – перебила ее мадам Мерит, развернулась и стремительно пошла по лестнице в замок.

Примерзнув к месту, Кива смотрела ей вслед, пока стражница не сказала:

– Покидать замок без сопровождения тебе запрещено – пристрелят, не успеешь шагнуть на мост. Выходит, варианта у тебя два: можешь пойти с Мерит сама или я тебя потащу.

Раздраженно взглянув на нее, Кива поспешила вслед за экономкой и заметила, что стражница осталась на месте. Видимо, угроза насчет моста была не шуткой, раз нянька Киве больше не требовалась. С тем же успехом можно было остаться в Залиндове: здесь она оказалась такой же пленницей.

Упав духом, Кива быстро догнала мадам Мерит и торопливо зашагала следом по темным коридорам замка. Речной дворец Валлентисов был полон света, белого мрамора и золота, а в Блэкмаунте любили обсидиан и инкрустации из серебристого люминия, создающие жутковатый эффект, особенно в сочетании с доспехами, алыми гобеленами и ковровыми дорожками. Было очень красиво, но такая обстановка

давила и вызывала тревогу.

Вслед за мадам Мерит Кива поднялась по черным лестницам с серебряными перилами, прошла по коридорам, где на стенах висели картины с жестокими батальными сценами. Когда они наконец остановились перед резной дверью, Кива уже обнимала себя за плечи, а зловещая атмосфера вокруг просачивалась в самое сердце.

Экономка открыла дверь и пригласила Киву внутрь – там обнаружилась роскошная спальня в черно-красных тонах с серебряной отделкой, в тон всему, что Кива уже успела увидеть. У одной стены стояла большая кровать с горой подушек, с потолка в центре свисала люминиевая люстра, гостеприимно освещавшая мрачную комнату. Балкона не было, но тяжелые алые портьеры закрывали три внушительных окна. Кива надеялась, что из них открывается вид на столицу, и ей не терпелось проверить – но позже.

Сейчас всем ее вниманием завладела встретившая их в комнате девушка с косой, уложенной вокруг головы и спускающейся на плечо; волосы были очень светлые, практически белые, а глаза такие светло-голубые, что казались серебряными. Она была одета примерно так же, как мадам Мерит: черное платье, в этот раз со шнуровкой под грудью, и кроваво-красный передник на поясе.

– Леди Корентин. – Девушка поприветствовала ее с сильным мирравенским акцентом и присела в поклоне. – Для меня честь служить вам.

Кива едва не подпрыгнула, услышав титул.

– Это Бринн, ваша горничная, – сказала мадам Мерит. – Она будет вам прислуживать.

Экономка обернулась к девушке и приказала:

– Подготовь ее к встрече с королем, а потом проводи в зал для аудиенций на первом этаже.

Бринн вновь присела в реверансе:

– Как пожелаете, мадам.

Не добавив ни слова, строгая немолодая дама широким шагом вышла за дверь и закрыла ее за собой.

Киве как-то сразу полегчало, но тут подошла Бринн, и пришлось вновь собираться.

– Идемте, госпожа, – позвала горничная, мягко коснувшись руки Кивы, и повела ее в другую дверь сбоку. – Лучше не томить короля ожиданием.

Кива покорно пошла за ней.

– Пожалуйста, зови меня Кива. Я никакая не госпожа. И уж точно не леди Корентин.

Бринн захлопала глазами, на лице мелькнуло удивление.

– Прошу прощения, госпожа, но вы член королевской семьи.

– Нет, – торопливо возразила Кива, когда они вошли в пышную ванную комнату, где уже исходила паром темная ванна на когтистых лапах. – Мой предок когда-то давно к ней принадлежал, но совершенно справедливо потерял этот титул, когда перестал служить народу и стал ему вредить.

Горничная удивилась еще сильнее.

– Но ваша сестра – королева...

– Она захватила то, на что у нас уже нет никакого права, – прервала ее Кива. И добавила, поникнув: – История долгая и вспоминать ее заново совсем не хочется. Так что, пожалуйста, давай просто... Если ты не против, правда, лучше зови меня Кива.

Бринн одарила Киву долгим взглядом серебристых глаз – более долгим, чем, как показалось Киве, дозволяется послушным служанкам, особенно в местах вроде Блэкмаунта, – но потом ее лицо как-то необычно озарилось смесью изумления, уважения... и изрядной доли любопытства.

– Хорошо, Кива, – отозвалась Бринн, и Кива слабо улыбнулась в ответ впервые за двенадцать дней с тех пор, как рассталась с Крестой. – А теперь все-таки раздевайтесь и поезжайте в ванну.

Лишь спустя пару минут, когда горячая вода в ванне принесла облегчение измученному с дороги телу, Кива осмелилась спросить:

– Я сегодня увижусь с сестрой? До короля? Я бы хотела... Было бы неплохо сначала поговорить с ней. – И добавила быстро: – Нет, вот что: ты не знаешь, мой брат здесь? Торрелл?

А знал ли он вообще, где Кива – и где она находилась до этого?

Бринн перестала оттирать Киве ногти.

– Мне приказано не отвечать на вопросы, пока Навок с вами не поговорит.

Кива повторила, подняв брови:

– Навок?

– Король Навок, – торопливо исправилась Бринн. – Прошу прощения.

Кива решила не заострять внимания на таком панибратстве.

– По крайней мере, скажи, когда свадьба?

Бринн опять помолчала, кусая губы, и сказала:

– Простите, госпожа... ой, Кива. Лучше мне не болтать.

Киву охватило разочарование, но она понимала, почему горничная столь немногословна.

– Ладно, – буркнула она. – Спрошу короля.

Не то чтобы Кива дожидаться не могла этой встречи, но все-таки она ехала в такую даль не для того, чтобы просто отмокнуть в ванне – хоть и, конечно, роскошной.

Оттерев Киву дочиста, Бринн нарядила ее в алое шелковое платье, куда более парадное, чем те наряды, которые она носила в Речном дворце, если не считать маскарада. И спереди, и на спине имелись соблазнительно глубокие вырезы, а разрез на подоле обнажал ногу практически до бедра, отчего Киве хотелось постоянно придерживать юбку.

– Есть какой-нибудь плащ, накинуть сверху? – спросила она, указав на излишне открытые грудь и ногу. И буркнула тихонько: – Тут же весь Вендерол видно.

Кажется, последнюю фразу она произнесла все-таки недостаточно тихо, потому что Бринн закашлялась, чтобы спрятать смех, пляшущий в серебристых глазах. Но, посерьезнев, ответила:

– Извините. Его Величество желает, чтобы вы надели именно это.

По выражению ее лица Кива тут же поняла, что сама горничная думает о короле и какова будет его реакция, если его приказов ослушаются. Кива чувствовала себя не в своей тарелке, но ей не хотелось, чтобы Бринн угодила в переplet из-за такой ерунды, как платье, так что она, как могла, пристроила на груди амулет – чем заслужила полный любопытства взгляд от Бринн, которая, очевидно, едва сдержалась, чтобы не спросить насчет символа Валлентисов, – и позволила горничной уложить волосы, чтобы те волнами заструились по спине.

Лишь после этого Бринн отошла на шаг назад и признала:
– Прекрасно.

Кива не казалась себе прекрасной. Зрелище из нее было то еще, к тому же зрелище полуголое, но она кивнула в знак благодарности, мечтая, чтобы встреча с Навоком поскорее закончилась и можно было вернуться в комнату и поразмыслить, что делать дальше.

Теперь, когда Кива была готова, Бринн повела ее по замковым коридорам, постепенно спускаясь. По пути им встречались лишь горничные и слуги, одетые примерно так же,

как Бринн, в черное с красным, и солдаты в серой броне, которые патрулировали коридоры там и тут или стояли на часах у закрытых дверей. Лишь когда они вышли в пустой коридор, Бринн заговорила:

– Можно спросить?.. Если не возражаете... – она замялась.

– Конечно, – подбодрила Кива.

– Просто... Несколько месяцев назад прошел слух, что вы выжили в Ордалиях и потом сбежали из Залиндова, – неуверенно произнесла Бринн.

– Так и было, – подтвердила Кива, – но мне помогали.

– Тогда... Простите, но как... – Бринн откашлялась с заметным смущением. – Я слышала, что Серую Гвардию послали за вами в Залиндов. Это правда?

Серая Гвардия – отличное имечко для солдат Навока, решила Кива.

– Да, – сказала она. И ответила на тот вопрос, который не решалась задать Бринн: – Не знаю, как много тебе известно о том, что случилось в Эвалоне, но в ту ночь, когда моя сестра захватила трон, пострадало еще немало людей. Она знала, что я не одобряю ее действия и что я сделала бы все возможное, чтобы вернуть все на круги своя, так что они с Миррин Валлентис накачали меня наркотиком и тайно отправили в тюрьму, чтобы я не смогла помочь друзьям вернуть королевство.

Бринн потрясенно воззрилась на нее и переспросила:

– Друзьям?

– Джарену Валлентису... то есть принцу Девериду, – поправилась Кива, а сердце заняло от одного звучания его имени, – и его двоюродному брату Кэлдону. Ну и остальным.

Повисла долгая тишина, пока они спускались на еще один пролет по обсидиановым ступеням, а потом Бринн спросила:

– Но ведь дружба с принцами противоречит всему, во что верит ваша семья, разве не так? Вражда между Корентинами и Валлентисами вошла в легенды.

– Я говорила, история долгая, – с нескрываемой болью в голосе ответила Кива. – Но Джарен и Кэлдон... – У нее сдавило горло. – Их очень сложно не полюбить.

Бросив взгляд на Бринн, Кива обнаружила, что горничная всматривается в нее, будто решая, верить или нет.

– Честно, – доказывала Кива, – видела бы ты их, ты бы поняла.

Но тут она вспомнила, что принцы раньше уже бывали в Задрии с дипломатической миссией, и уточнила:

– А кстати, видела ли ты их? Давно ты тут работаешь?

– Всего несколько месяцев, – ответила Бринн. – Если они и приезжали, я их не видела.

Кива не успела заверить ее, что принцы не приезжали: оба были слишком увлечены решением ее проблем – сперва в Залиндове, а позже в Валлении; горничная остановилась перед закрытыми двойными дверями, по обеим сторонам которых стояли гвардейцы. Переступив с ноги на ногу,

она украдкой взглянула на стражников, будто сомневаясь, говорить или не нужно.

Наконец она придвинулась ближе и прошептала:

– Нрав короля все знают. Кланяйтесь пониже и не поднимайтесь, пока он не позволит. Без дозволения не говорите. В глаза не смотрите, а то он решит, что вы бросаете ему вызов. Не уходите, пока не отпустит. Представьте, что имеете дело с диким зверем, готовым в любой момент на вас броситься.

Кива и так вся извелась из-за грядущей встречи, но теперь внутри все совсем сжалось.

– Ты не пойдешь со мной?

Бринн покачала головой, как бы извиняясь.

– Серая Гвардия отведет вас обратно в покои, как освободитесь. Я буду ждать там.

Кива чуть успокоилась, но не до конца. В горничной было что-то располагающее к себе, некая прямота, которая заверяла, что Бринн Киве не враг, что ей можно доверять.

Но Кива не собиралась доверять первой встречной. Особенно в таких местах, как замок Блэкмаунт.

– Ступайте, – поторопила Бринн и кивнула ближайшему стражнику, который постучал в дверь и потянулся открыть ее. – Все будет хорошо. Не забывайте, что я сказала.

Кива сглотнула, а потом напонила себе обо всем, что ей довелось пережить за свои семнадцать лет. Уж с королем-то она справится, даже с таким жестоким, тем более если в процессе получит некоторые ответы. Нрав там или не нрав, а

Навок скоро окажется ее зятем, так что причин вредить ей у него никаких. Она просто встретится с ним, расспросит и оставит заниматься своими делами.

Наметив план действий, Кива выпрямила спину и кивнула Бринн в знак готовности, а затем шагнула вслед за стражей в залу для королевских аудиенций. Внутри все от пола до потолка было в тех же черных, алых и серебристых тонах, а у дальней стены она заметила ревущий камин. Перед ним, развернутые от входа, стояли два темных бархатных кресла, и одно было занято.

Король Навок не повернулся на стук дверей, закрывшихся за спиной Кивы; ей было видно лишь его затылок и волосы цвета темной бронзы, вольно пронизанные рыжеватыми и медными прядями, что вместе напоминало яростное пламя в очаге.

Кива неуверенно замялась у входа.

– Не робей, – позвал Навок, все так же не оборачиваясь. Говорил он мягко и обходительно, акцент был куда слабее, чем у всех, с кем Кива успела поговорить в его королевстве. – Подойди, дай взгляну на тебя.

По позвоночнику поползли мурашки, особенно когда Кива вспомнила слова Бринн о том, что он сам выбрал этот откровенный наряд. Но она заставила себя пройти вперед, обошла незанятое кресло и остановилась спиной к камину перед Навоком. По инструкциям горничной она присела в поклоне, не поднимая глаз и мучительно осознавая, сколь низок

вырез платья – спасибо, хоть амулет Валлентисов скрывал что мог. С разрезом на багряном подоле она ничего поделывать не могла, он почти непристойно обнажал ногу.

Помня предупреждение Бринн, Кива не поднималась, стиснув зубы, а Навок не позволял ей выпрямиться так долго, что это казалось уже оскорбительным. Когда он наконец велел ей встать, она едва удержалась от гневного взгляда в его сторону.

Кива выпрямилась; жар от камина обжигал ей спину, но она не стала отходить вперед, иначе бы оказалась слишком близко к Навоку. В кресло она тоже не села – ждала позволения короля, которого, впрочем, не последовало.

Когда Кива подняла взгляд вопреки всем советам Бринн, то обнаружила, что глаза короля шарят по ней, и ее пробрало еще сильнее. Но она не дала себе погрязнуть в этом ощущении, и, стараясь скрыть неприязнь, прямо посмотрела на затянутого в черное человека, устроившегося в бархатном кресле.

Если бы Кива попробовала представить, как выглядит Килдарион, она вообразила бы полные злобы глазки и грубые черты – то есть внешность, которая соответствует тому, что говорят о его отталкивающем характере. Но Навок... Он был иным. Он развалился в кресле, но даже так было видно, что у него крепкая здоровая фигура с широкими плечами и развитой мускулатурой. И лицо...

Кива стиснула губы – ее иррационально злило, что жесто-

кий северный правитель выглядит *вот так*.

Глаза у него были светло-карие, очерченные густыми ресницами, подчеркнутые буйными волосами; тяжелую челюсть покрывала рыжеватая щетина. Он не был красив в классическом смысле, это было нечто большее. Неидеальное. Дикое.

Опасное.

– Ну какая милашка, – наконец протянул он, качнув хрустальным кубком с янтарным напитком.

Кива сощурилась и прикусила язык, чтобы не ляпнуть что-нибудь такое, за что ее бросят в темницу.

– Где Зулика? – спросила она.

Обнаженной спине становилось жарковато, но Кива не пошевелилась, не обращая внимания на треск пламени позади. Не в силах вынести тишину, она надавила:

– Могу я с ней поговорить?

На это Навок отреагировал – насмешливо улыбнулся.

– В последний раз, когда ты виделась с сестрой, она отправила тебя в Залиндов. Не терпится поквитаться?

Кива скрестила руки, потом поняла, что так вырез стал только интереснее, и торопливо их опустила.

– Ну я же здесь. Она велела страже забрать меня из тюрьмы ради вашей свадьбы, и я хочу знать зачем.

Навок склонил голову и переспросил:

– Моей свадьбы?

– Вашей с Зуликой, – с растущим нетерпением пояснила Кива. Не в силах удержаться, она язвительно добавила: – По-

здравляю, прекрасная партия! И когда же счастливый день?

Король хохотнул, и от этого звука у Кивы в ушах зазвенел тревожный звоночек. Навок отставил кубок на столик у кресла, изящно поднялся и стремительно шагнул вперед, оказавшись прямо перед ней. Она не позволила себе отшатнуться – отчасти потому, что не хотела выглядеть запуганной, а отчасти потому, что идти было некуда – камин не давал отойти.

– Она тебе не сказала, да? – Глаза Навока заблестели от удовольствия. – Ты ничего не знаешь.

Звоночек зазвучал еще громче, и кроме него Кива уже ничего не слышала.

– О чем не сказала? – выдавила она, уже догадываясь, какой будет ответ, но не в силах поверить – да и не желая верить в это.

– Я не на сестре твоей женюсь, – ответил Навок, расплываясь в довольной улыбочке. – А на *тебе*.

Глава шестая

В голове не осталось ни единой мысли – после заявления Навока разум словно застыл. Но потом все внутри панически затрепетало, и под грохочущий стук сердца Кива попыталась припомнить разговор с Зуликой в темнице под Речным дворцом.

«Ты выходишь замуж за короля Навока? – потрясенно спросила тогда она. – Таков уговор?»

«Мама не знала про Королевскую Триаду, не знала, что есть другой законный способ», – ответила в свою защиту сестра, а потом поделилась планом объединить силы повстанцев с войсками Мирравена, чтобы помочь им захватить Эвалон и гарантировать, что на трон сядет Корентин – пусть даже Корентин в браке с Килдарионом.

Только теперь Кива осознала, чего сказано не было: Зулика не подтверждала, что мать обещала выдать за Навока именно ее в этой проклятой сделке. Вопрос Кивы остался без ответа, ей не дали ни единой подсказки насчет того, что ждет Киву в случае, если северный король наложит на нее лапы.

– Да ты потрясена, – ворвался Навок в водоворот мыслей Кивы.

Она была не потрясена. Она была в ужасе.

– Если уж честно, – продолжал он, – Тильда в самом деле собиралась сочетать нас с твоей сестрой. Но я видел, как

отчаянно она хочет добраться до тебя, так что быстро прикинул: она верила, что ты самая сильная из ее дочерей – а значит, ты-то мне и нужна. – Он рассмеялся. – С чего она взяла, что я соглашусь на меньшее?

Стремительно, как молния, Навок выбросил руку и провел пальцами по щеке Кивы. Она отшатнулась от его прикосновения, едва не свалившись в камин, чем изрядно повеселила короля.

Стараясь отодвинуться, Кива обогнула кресло и сразу же почувствовала себя гораздо лучше, когда оказалась вдалеке от камина, который так и норовил поджечь ей платье, а заодно и от короля. Ее *нареченного*.

Боги, ее мутило.

– Тут какая-то ошибка, – хрипло произнесла Кива. – Я не сильнее Зулики. Даже не близко. Уговор там или нет, но...

– Все уже готово. – Навок махнул рукой, прерывая ее, вернулся в кресло и отпил из кубка. – Все приготовления завершены, свадьба через два дня.

Два дня?

Кива покачнулась.

Навок вновь молниеносно оказался рядом и подцепил амулет у нее на груди.

– В письме Зулика просила, чтобы он остался у тебя. Говорит, в качестве напоминания. Но твоя сестра мне не указ, и меня не радует, что ты таскаешь герб моего врага. – Он помрачнел. – Носи, пока мы не обручимся, а потом я не желаю

его видеть. Понятно тебе?

Кива уставилась на него, не успевая осознать его слова, вообще ничего не понимая. Кое-как она выдавила:

– Зулика приедет на... на... – Помоги ей вечность, это слово она произнести не могла, особенно теперь, узнав, какая роль ей уготована.

Навок ухмыльнулся.

– На *свадьбу*? Нет. Твоя сестра в Валлени, разгребает дела рук своих. Как и следовало ожидать, подданные не горят желанием ей подчиняться. Ну и, наверное, тебе интересно – твой брат не представляет, где ты, не говоря уже о грядущем бракосочетании.

Кива упала духом: все ее надежды разбились, он правда ни о чем не знает.

– А вот моя сестра приедет, кстати, – продолжал Навок. – Едет из Терифа со своим женихом, Вошеллом. На весну я отправил ее погостить у них, но завтра они должны вернуться, как раз к нашему счастливому дню.

Вопреки всему Кива нахмурилась.

– Я думала, раз Миррин стала королевой, ты согласишься разорвать помолвку сестры, чтобы они могли быть вместе?

Навок вновь отхлебнул напитка, разглядывая Киву над краем кубка.

– Серафине лучше с Вошеллом.

Кива сощурилась:

– Хочешь сказать, Мирравену лучше заключить союз с Ка-

рамором через эту свадьбу?

Как бы Кива ни злилась на Миррин за то, что та натворила, она все равно сочувствовала принцессе: в каком же та сейчас раздрае, предала всю семью ради любви, а Навок не выполнил свою часть сделки.

Король пожал широкими плечами и ответил с хитрецей во взгляде:

– Мы просто пешки в игре под названием жизнь. Моя сестра знает себе цену и понимает, как важна ее жертва для королевства. Вошелл – слабак. Серафина еще слабее. Когда они станут королем и королевой, то прибегут за помощью ко мне; править их королевством буду, по сути, я. Мирравен, Карамор, Эвалон – три величайшие державы Вендерола окажутся у меня в кулаке. Другим странам останется только склониться передо мной. – У него заблестели глаза, будто имелись и другие планы, еще более амбициозные, но больше он ничего не добавил.

Кива была так ошарашена, что произнесла лишь одно:

– Эвалон еще не твой.

– Практически мой, – возразил он.

– Их войска не допустят вторжения, – настаивала Кива.

– Ты забываешь, что эти войска теперь подчиняются твоей сестре. А если они не признают ее власть, путь расчистят повстанцы.

Она покачала головой.

– Джарен и Кэлдон тебя остановят. И Эшлин.

Сестра Кэлдона командовала войсками Эвалона. Судя по всему, что Кива о ней слышала, она ни за что не допустит победы Мирравена.

Навок усмехнулся:

– Пусть попробуют.

Кива сменила тактику:

– Ты не знаешь Зулику. Говоришь о пешках, но теперь корона у нее, и она ни за что ее не отдаст.

Взгляд Навока помрачнел еще сильнее.

– Какой у нее выбор? – Он осушил кубок. – Понимает она это или нет, но она просто греет мне новый трон.

Кива фыркнула. Королю, очевидно, еще не доводилось узреть магию смерти Зулики. Может быть, после этого он осознает наконец, что выбрал себе не ту сестру.

– Смотрю, тебя это потешает, – сказал Навок. – Если думаешь, что я не знаю о... способностях... твоей сестры, то ты горько заблуждаешься. Но у меня есть свои способы ответить на это. И ты, дорогая невеста, – один из них.

Всю насмешливость Кивы как рукой сняло.

Но она не успела уточнить, что он имеет в виду, – он продолжил уже более спокойно:

– Кстати об этом: у меня есть для тебя свадебный подарок.

Он ухватил ее за локоть и потащил вперед.

– Пошли, – сказал он, не обращая внимания на ее попытки вырваться. – Думаю, тебе понравится.

Не оставив ей выбора, Навок вывел ее из залы для прие-

мов, и двое часовых, которые стояли на посту у дверей, отправились вслед за ними.

У Кивы оставалось еще очень много вопросов, но после всего, что она только что узнала, в голове образовалась пустота; осталась лишь одна задача – выжить. Пока они шли через весь замок и спускались по длинным каменным лестницам, она молчала, собираясь с мыслями и с духом, чтобы встретиться с тем, к чему вел ее король.

Лишь глубоко под землей Кива снова начала вырываться, потому что наконец поняла, куда ее вел Навок.

В темницы.

– Уймись, – буркнул он, крепче стискивая ее руку. – Говорю же, свадебный подарок. Мы ненадолго – просто повидеешься с ним и пойдем обратно.

«С ним?»

Кива прекратила вырываться, охваченная любопытством и страхом.

Пробравшись по запутанному лабиринту стылых каменных коридоров и миновав множество Серых гвардейцев, которые патрулировали столько камер, сколько Кива никогда не видывала в одном месте, даже в Залиндове, Навок наконец остановился.

Перед ними были ржавые железные прутья, а за ними – клетушка, освещенная одиноким люминиевым фонарем на обсидиановой стене. В углу камеры виднелись хлипкие нары, заваленные каким-то тряпьем – по крайней мере, так ду-

мала Кива, пока эта кипа не пошевелилась.

Тряпье вдруг оказалось человеком, который, заметив, что к нему пришли, принялся неспешно подниматься. Стража избивала его: обветренное лицо покрывали синяки и отеки, на ногах он держался некрепко. К облегчению Кивы, она все не узнавала его – ни грязные лохмы до плеч, темные с проседью, ни неопрятную бороду на тяжелой челюсти. Но полные чувства карие глаза не отрывались от нее, и в них читалось потрясение.

– Кива? – прохрипел он. Глубокий голос было почти не слышно: он редко говорил.

Кива, сама того не замечая, попятилась, пока рука Навока ее не остановила.

– Позволь представить: Голдрик Шоу, – произнес король; по красивому лицу было заметно, что он с нетерпением ждет реакции. – Может быть, ты о нем слышала: он был близким другом твоей матушки. Он может поведать тебе все, что ты хочешь узнать о ней и о тех десяти годах, что вы были разлучены.

Навок махнул в сторону избитого пленника свободной рукой:

– Допрашивай вволю, когда пожелаешь.

Кива уставилась на узника, осознав, кто он такой: бывший командир повстанцев, учитель и друг ее матери. Невозможно было поверить, что он стоит перед ней.

В первую очередь потому, что его считали мертвым.

«Голдрик первым заметил, что она уехала, и отправился за ней – может, хотел остановить, – вспомнила она слова Торелла, когда тот рассказывал, как Тильда сбежала из лагеря повстанцев и отправилась в Мирравен. – Но он не вернулся. Мы нашли лишь его плащ, весь в крови».

Тор и Зулика решили, что Голдрика убила Тильда – говорили, что под конец она была не в своем уме. Но напала на него Тильда или нет, он, очевидно, выжил, а потом, видимо, отправился вслед за ней в Задрию.

Кива быстренько прикинула в уме, что Тильду привезли в Залиндов шесть месяцев назад. Значит, Голдрик сидел в темнице Навока уже полгода, а учитывая, что мятежники считали его мертвым, у него не было никакой надежды на освобождение.

– Это правда ты? – прохрипел Голдрик, ковыляя ближе к решетке. Он осмотрел ее, а потом прошептал: – В самом деле. У тебя мамины глаза.

У Кивы перехватило дыхание, когда она поняла, что этот человек знал ее маму, пожалуй, лучше, чем кто бы то ни было. Он видел, как Тильда превратилась из женщины, не желавшей применять дар, в ту, что лечила всех направо и налево, а потом обратилась ко злу и стала чудовищем. Он стал свидетелем каждого шага на этом пути. Он мог ответить на вопросы, которые Кива даже задать не осмеливалась.

Но... Ей не хотелось ничего спрашивать в окружении стражников, и уж тем более не при Навоке, который навост-

рил уши.

– Я бы хотела поговорить с ним наедине, пожалуйста, – сдавленно выговорила Кива.

– Не сегодня, – ответил король.

Он потащил ее прочь.

– Нет, постойте...

– Не сегодня, – твердо повторил он. – Ты проделала долгий путь. Отдыхай, а завтра снова навестишь его.

Кива обернулась через плечо – Голдрик смотрел ей вслед, пока ее уводили прочь по коридору. Он не окликнул ее, не молил о свободе. Но во взгляде было обещание.

И боль.

Боль не от синяков – от того, что он увидел ее. Что бы он ни чувствовал, когда смотрел на нее, ему было больно. Может быть, от того, что сделала ее мать, а может, он просто очень скучал по Тильде – без сомнения, они были очень близки. Точно ясно только одно: ему не терпелось поговорить с Кивой.

Завтра, сказал Навок. Можно и подождать еще один день.

Но пока ее тащили по бесконечным лестницам наверх, в комнату, она поняла, что больше ждать нельзя. Потому что через два дня ее насильно выдадут замуж, а значит, следует обратиться из замка Блэкмаунт до того, как ее навеки привяжут к его хозяину.

Глава седьмая

Когда Навок втолкнул Киву в дверь и без лишних слов ушел, Бринн уже ждала в комнате.

Жених, очевидно, не собирался ее очаровывать, но Кива и так уже поняла, что от нее ему нужно только кровное родство с хранителями трона Эвалона. И возможно, еще он использует ее как оружие против сестры. Вот это точно была не лучшая затея. Ее подмывало задержаться в Блэкмаунте просто, чтобы посмотреть, как он неизбежно схлестнется с Зуликой, но это искушение меркло перед риском выйти за него замуж. Нет, надо покинуть замок и бежать от Мирравена как можно дальше.

– Вы так бледны, госпожа... эм, Кива, – заметила Бринн, бросаясь навстречу Киве, чтобы проводить ее к кровати. В напряженном взгляде серебристых глаз читались тревога и забота. – Он вас ударил?

Этот вопрос и заинтересовал, и испугал Киву. Бринн предупредила, что Навок известен скверным нравом, но Киве и в голову не приходило, что он может ударить ее.

– Нет, все в порядке, – ответила она, рухнув на бархатистое одеяло и борясь с искушением обнять подушку в утешение. Сейчас не время поддаваться чувствам или гадать, почему мать преподнесла ее Навоку на блюдечке. Чувства и вопросы подождут, а сейчас ей нужен план.

Еще было нужно, чтобы Бринн ушла: хоть интуиция и подсказывала, что горничной можно доверять, вероятность, что она информатор, была слишком велика.

Почувяв, что Бринн собирается спросить, как прошла встреча с Навоком, Кива быстро сказала:

– День был долгий. Хочу побыть одна.

Бринн виновато уставилась на кроваво-красный ковер:

– Простите, но мадам Мерит велела мне остаться с вами.

На случай, если вам что-нибудь потребуется ночью.

Она указала в дальний угол роскошной комнаты, где стоял тюфяк, который Кива до этого не заметила.

– Обещаю, вы и не заметите меня, пока не понадобится.

Неудивительно, что Киву не стали запирают – а она-то поражалась оба раза, когда ее оставляли в комнате одну. Бринн сразу бы заметила, попытайся она сбежать.

Кива приглушенно выругалась, но затем заставила себя сделать глубокий вдох, мысленно примиряясь с этим и говоря себе, что уже поздно и что в голове все слишком перепуталось, чтобы решать что-то прямо сейчас. Все еще нужно поговорить завтра с Голдриком, так что придется ждать до тех пор, прежде чем что-то делать, а потом...

«Что – потом?» – спросила у себя Кива. Даже если в самом деле получится сбежать из Блэкмаунта – хотя стражница сказала, что это невозможно, – что дальше? Нужно вернуться в Эвалон, но родина казалась далекой, как луна.

– Прошу прощения, – сказала Бринн, врываясь в мрачные

раздумья Кивы, – я просто...

Она робко оборвала себя, затем начала снова:

– Мне говорили, что я слишком уж любопытна для горничной. Ужасный изъян. – Она сплела и расплела пальцы, собралась с духом и спросила: – Вы ведь не знали про свадьбу? Вы раньше спрашивали, когда назначена *их* свадьба. Не знали, что она *ваша*.

Горничная была, может, и любопытная, но еще и наблюдательная.

– Понятия не имела, – признала Кива. – Я думал, он возьмет в жены мою сестру.

– Разве это не хорошие новости? – обнадеживающе спросила Бринн, как-то пронзительно вглядываясь в Киву. – Вы из Корентинов. Ваша семья теперь правит Эвалоном. Женитьба с королем Навоком объединит два королевства по праву крови.

Кива устало покачала головой.

– Я уже говорила: моя сестра захватила престол. Он не наш. Чем раньше Валлентисы вернутся на трон, тем лучше. И поверь, меньше всего мне охота выходить за человека вроде Навока. Может планировать сколько вздумается, но я ни за что не помогу ему в захвате Эвалона.

Кива торопливо захлопнула рот, спохватившись, с кем говорит, но потом поняла, что ей все равно. Навок знает о ее чувствах, и оттого, что она выболтала все горничной, хуже уже не станет.

Бринн смотрела на нее все так же пронзительно, долго рассматривала ее, а потом заявила:

– Вы не шутите, да?

– Говорю чистую правду. – Кива потерла лицо. – Бринн, я устала. Давай не будем...

– Конечно. Прошу прощения, – ответила горничная, поспешила к шкафу и вернулась с чистым ночным бельем. – Разберу вам кровать. Вам нужно набраться сил перед грядущим.

Бринн и не представляла, насколько права. Но как бы Киве ни хотелось иметь назавтра свежую голову, все равно, когда она залезла под одеяло, еще несколько часов ворочалась, пока наконец не провалилась в изнеможении в сон.

* * *

Наутро Киву разбудил грохот в дверь. Она подскочила в кровати. Ей казалось, что она и минутки не проспала, мысли путались, как паутина.

Она кое-как разглядела, как Бринн спешит к двери, но створка распахнулась раньше, и в комнату ворвался король Навок.

Киве пришлось решать, что делать, за долю секунды. В кровати она чувствовала себя уязвимой, хотела встать, но вспомнила свой шелковый наряд и передернулась при мысли, что он увидит ее в таком виде. Тогда она натянула одеяло

до подбородка, бросая на короля гневные взгляды, в которых читалось все, что она думает по поводу этого раннего визита.

Бринн, как заметила Кива, напряженно прижалась к стене, потупив взор и словно пытаясь слиться с ближайшим голубеном. Киве и самой хотелось поступить так же.

– Все еще в постели, – заметил Навок.

Даже понимая, как это неразумно, Кива не удержалась от ехидного замечания:

– Разве? Точно?

При свете дня король был все так же хорош собой, даже когда скалился на нее.

– Вставай, – приказал он. Развернулся на каблуках и бросил через плечо: – Не появишься в тронном зале через полчаса – вернусь за тобой. И поверь, тебе не хочется, чтобы я возвращался.

Он исчез за дверью так же стремительно, как и явился.

Кива судорожно вздохнула и выбралась из кровати навстречу Бринн.

– Нужно было разбудить вас... – Горничная заламывала руки. – Но вы так плохо спали, что я...

– Ты не виновата, – заверила ее Кива. – Ты не знаешь, что ему понадобилось? Свадьба же... – она подавилась этим словом, – только завтра.

Бринн собрала свежую одежду для Кивы и поторопила ее в ванную комнату.

– Да что угодно. Сегодня должны приехать его сестра и

принц Вошелл. Может, уже приехали, и ему хочется познакомиться вас с ними?

Кива надеялась, что дело в этом. Ей было интересно посмотреть на королевскую семью, особенно на девушку, в которую была влюблена Миррин. Но даже если так, ей не хотелось тратить время зря. Каждая упущенная минута – это минута, которую она могла потратить на поиск пути из замка.

Бринн ловко помогла Киве надеть новое платье, на этот раз черное. Ткань прилегала к телу, обрисовывая медленно возвращающиеся изгибы и намек на мышцы, которые Кива пыталась нарастить.

– Тут вообще есть нормальная одежда? – спросила Кива, хмуро рассматривая очередной разрез на бедре. Но на этот раз, к ее счастью, прикрыто было больше: только разрез, а верх платья диагонально проходил через грудь и поднимался на одно плечо, оставляя другое обнаженным.

– Извините. Его Величество...

Кива вздохнула:

– Дай угадаю: сам выбирал.

– Погодите, вы еще свадебное платье не видели, – буркнула горничная полным отвращения тоном, принимаясь укладывать Киве волосы.

Киву слегка замутило при этих словах, но вот то, как они были сказаны...

– Ты не слишком-то любишь Навока, да?

К удивлению Кивы, Бринн не испугалась и не бросилась

защищать короля, а фыркнула:

– Его не назвать всеобщим любимчиком. Даже собственная сестра ему не рада, а она – самое милое и доброе создание на свете. Что говорит о нем лучше?

Уважение Кивы к горничной вмиг возросло. Она осторожно спросила:

– Ты вчера рассказывала, что работаешь здесь всего несколько месяцев. Он... Он что-то *сделал*, чтобы заслужить такое мнение о себе?

Пальцы Бринн замерли, и она повернулась, чтобы взглянуть Киве в глаза.

– Нет, ничего такого. – Она указала на свое платье горничной. – В таком наряде я все равно что мебель. Могу быть хоть его покойной матушкой, а он и не заметит, потому что ни разу на меня не посмотрит. В его мире слуги – низшие существа, и относится он к нам соответственно: как будто нас вовсе не существует.

Ее глаза озорно блеснули:

– Я так часто убиралась у него в покоях, а он продолжал совещания, даже не замечая, что я в комнате. Я такого наслушалась, не поверите!

И будто не признавшись только что в том, что знает вещи, за которые ее можно обвинить в государственной измене, Бринн вернулась к прическе Кивы – замысловатому многослойному сооружению, украшенному блестящими бусинами.

– А это не слишком? – вяло спросила Кива, смотрясь в зеркало.

– Вы невеста короля, – ответила Бринн, провожая ее из ванной обратно в спальню, куда уже принесли завтрак: блюдо, полное фруктов и булочек. – Это мелочи!

Кива состроила гримасу и принялась за еду. Аппетита не было, но в планы на день входил побег, так что следовало хорошенько подзаправиться перед долгой дорогой обратно в Эвалон.

Превозмогая тошноту, она съела весь завтрак, закончив только когда Бринн сказала, что пора идти. Затем горничная вновь провела ее по замку – обе молчали всю дорогу, погружившись в собственные мысли.

– Будут какие-нибудь еще советы? – спросила Кива, когда они подошли к большим золоченым дверям, у которых снова статуями застыли двое гвардейцев.

Вместо ответа Бринн коснулась пальцем амулета на шее Кивы – надеть его было дерзостью, учитывая, что король уже выразил свое неудовольствие на этот счет. Но он разрешил носить его до свадьбы, а Киву не волновало, выдает ли это ее истинные чувства к нему.

– Я слышала, про амулет Валлентисов всякое говорят. Считается, что он умеет хранить в себе защитную магию.

– Умеет, – подтвердила Кива. – Но он иссяк. Сейчас в нем нет никакой силы.

Лицо Бринн застыло.

– Тогда вот ответ на ваш вопрос: все, что я сказала в прошлый раз, плюс все, что только придет в голову. Навок, может, и симпатичный, но он опасен, и чего бы он от вас ни хотел... – Горничная покачала головой. – Просто будьте осторожнее, Кива. Он не потерпит непокорности, даже от невесты.

Бринн выглядела так серьезно, что внутри у Кивы все сжалось.

– Лучше ступайте, – сказала горничная, которую, кажется, вовсе не радовала необходимость оставить Киву одну. – Я буду ждать вашего возвращения в комнате.

Кива была благодарна ей за поддержку, но уже вовсю размышляла, как бы ей улизнуть по пути от Навока в покои. Может быть, получится придумать какую-нибудь отговорку для конвоя и...

«Голдрик!» – вспомнила Кива, вспотев. Перед побегом еще нужно попасть в темницу.

Зайдя пока что в тупик, она отвернулась от Бринн и дала знак Серым гвардейцам, чтобы те распахнули дверь. Затрепетав, она стремительно зашагала по алой ковровой дорожке, которая укрывала черный мрамор плитки и бежала через всю комнату до обсидианового возвышения, на котором разместился серебристо-алый трон. С потолка свисали многочисленные знамена, каждое с черной пантерой на красном поле – она стояла на задних лапах, оскалившись и выпустив когти. На стене за тронем был герб Килдарионов – та же пан-

тера напротив своего зеркального отражения, а между ними щит с двумя перекрещенными мечами. Другие стены прорезали большие арочные окна, все выходящие на гору над городом. Кива лишь мельком взглянула на этот вид и встрети-лась взглядом с Навоком – король восседал на троне и на-блюдал за каждым ее шагом.

– Ты не спешила, – заявил он, когда она остановилась пе-ред ним.

Она не отвела взгляд и не присела в поклоне.

– Я не опоздала.

Навок не шелохнулся: один локоть он удобно устроил на алом бархатном подлокотнике, кулаком подпер щеку, ноги вытянул вперед. Он был напряжен, несмотря на расслаблен-ную позу, так напряжен, что Кива невольно отшатнулась.

Он изогнул губы в улыбочке, будто ее реакция польстила ему.

– Хочу посмотреть, на что ты годна, – сказал он. – Покажи.

Кива моргнула:

– Прости, что?

Навок махнул рукой.

– Твоя магия, – пояснил он. – Хочу посмотреть. Давай.

У Кивы вырвался неверящий смешок.

– Вот так запросто?

Король сощурил карие глаза:

– Второй раз просить не буду.

Веселье испарилось, Кива скрестила руки на груди.

– Вы ранены? Или больны?

– Нет.

– Тогда скажите на милость, что мне лечить? – Ее тон сам за себя говорил, что она думает о его глупом требовании.

Навок помрачнел.

– Последний шанс, невеста моя.

Кива бросила на него сердитый взгляд и не удержалась:

– Не называйте меня так. И я не собираюсь ради вас колдовать. Даже если бы хотела – а я не хочу, – магия так не работает.

Король поднялся и так быстро шагнул к ней, что она попятилась, но он оказался проворнее – схватил ее за руку и удержал на месте. Пальцы впились ей в предплечье стальными оковами, и она вскрикнула, почувствовав, как скрежещут кости.

– Мы еще мало знакомы, так что давай-ка я кое-что поясню, – склонившись, прошипел он ей на ухо. – Когда я велю что-то сделать, ты выполняешь. Ты не споришь – ты слушаешься. Ясно тебе?

Пальцы стиснулись так, что у Кивы на глазах вскипели слезы, но она сжала зубы, не желая показывать, как ей больно.

– Я задал тебе вопрос, – тихо, угрожающе произнес он. – Отвечай.

Киве было очень страшно, но она ответила:

– Я думала, мне запрещено спорить.

Кива знала, что это не слишком мудро, но она слишком многое пережила, чтобы теперь ее унижал жадный до власти королек. Навоку предстояло стать ее мужем – если не учитывать, что она не собиралась дожидаться свадьбы, – и намеренно или нет, но он уже признал, что она нужна ему в неминуемой стычке с Зуликой. Следовательно, ей он не навредит – в общем и целом.

Услышав ответ, король выпустил ее, подарив Киве мгновение самодовольства.

Но потом поднял руку...

И наотмашь ударил ее по лицу.

Удар был настолько сильным, что Кива с криком упала на колени, прикрывая рукой щеку, а на глаза опять набежали слезы. Мельком она заметила, что на предплечье уже расцветает отпечаток руки, но сейчас куда сильнее беспокоила пульсация под глазом, где кожа на скуле уже начала опухать и натягиваться.

– Вставай! – безжалостно приказал Навок.

Кива прикусила язык, чтобы не ляпнуть что-нибудь и не усугубить ситуацию, и неуверенно встала.

– Давай, вылечись, – велел он.

Кива покачала головой, но не потому, что вновь ему отказывала – она была не такой дурой, – но потому, что ее дар не сработал бы на ней самой.

– Я не могу. Она не будет...

– Все упрямишься? – в ярости перебил ее Навок.

Не дожидаясь ответа, он отошел к трону. Позвонил в колокольчик, вновь уселся и сказал:

– Кажется, тебе просто не хватает мотивации.

У него было такое выражение лица, что Кива поняла: слушать он не станет, даже если она попытается объяснить. Она прикинула, далеко ли успеет убежать, если попробует рвануть из тронного зала. Но не успела она сделать и шага, как двери распахнулись и вошел незнакомый мужчина, темнокожий и темноволосый, с глазами будто бездонные черные провалы.

– Tua Carem, – поприветствовал он короля по-мирравенски, низко кланяясь.

Подобно Навоку, он с головы до пят был одет в черное, но в отличие от короля, чей наряд был парадным с алой оторочкой, одежда незнакомца больше походила на кожаную броню, какую надела бы Наари, только оружия не было видно.

– Geh negro eh jakoweh ken darra?

– Встань, – велел ему Навок на общем. И обратился к Киве таким дружелюбным тоном, будто забыл, что только что ударил ее: – Это Ксуру. У него есть особые таланты, которые кажутся мне особенно ценными, когда дело касается моих недругов. И, судя по всему, моей непокорной невесты тоже.

Кива сглотнула и снова прикинула, не стоит ли рискнуть и сбежать. Но Навок догадался, о чем она думает, и, кликнув Серую Гвардию, приказал им встать у внутренних дверей, перекрыв ей выход.

Затем король обратился к Ксуру на мирравенском. Предвкушение, отразившееся на лице новоприбывшего, дурным предчувствием отозвалось у Кивы в груди.

Повернувшись обратно к Киве, Навок заявил:

– Мое терпение иссякло. Покажи мне свой дар – или ты не оставишь мне выбора, и мне придется тебя заставить.

«Ну, удачи», – подумала Кива, но сочла за лучшее придержать на этот раз язык, лишь кивнула и подняла руки. Себя ей исцелить не удалось бы, но она все равно могла покориться приказу Навока и показать, что ее дар в самом деле существует, а заодно не дать Ксуру применить его «таланты».

Но... Кива еще ни разу не пыталась призвать силу, когда ей не нужно было кого-то исцелить. А в последний раз, когда она пыталась – чтобы вылечить Кресту в Бездне, – ничего не вышло.

Сейчас было не время сомневаться в себе, так что она стиснула зубы, невзирая на боль, расходящуюся по лицу, и обратилась к магии в крови. Всего лишь искорка золотого света – этого хватит, чтобы показать ему. И он бы от нее отцепился.

По спине катился пот, пока Кива пыталась вытянуть дар наружу, но он словно игнорировал ее, отказывался подниматься к поверхности. Будто знал, что здесь нечего лечить – а если и было, он не желал принимать в этом участие.

«Пожалуйста! – про себя молила Кива, с ужасом представляя, что именно король может приказать Ксуру, если она не

справится. – Пожалуйста!»

Кажется, она целое столетие выманивала силу наружу, и все без толку. Но только она собралась уже взмолиться о пощаде, как вдруг почувствовала. Покалывание в кончиках пальцев, тепло по рукам, а затем – едва заметное золотистое мерцание, исходящее от ладоней. Ничего подобного слепящему сиянию настоящего исцеления, но и это доказывало, что она владеет магией, и она победно взглянула на короля, прежде чем сияние не развеялось полностью.

Он изогнул бровь:

– И это все?

Кива не проронила ни звука, не желая вновь столкнуться с его гневом.

– Твоя мать заявляла, что ты сильна. Невероятно сильна. А ты мне что? Огонечек? – фыркнул Навок. – Жалкое зрелище.

Он кивнул на Ксуру, вновь бросил ему что-то на мирравенском, затем вновь повернулся к Киве и закончил:

– Кажется, тебе все-таки не хватает мотивации.

Это было единственное предупреждение, которое получила Кива, прежде чем Ксуру поднял руки и взмахнул ими. Жест мог бы показаться нелепым, если бы не огненный шар, который возник из ниоткуда и рванул к Киве.

Когда ее ударило пламя, она успела подумать о трех вещах:

Ксуру владел стихийной магией.

Он был аномалией.

А она *горела*.

Глава восьмая

Кива едва успела развернуться и нырнуть вниз, прежде чем магия Ксуру ударила в нее: огненный шар врезался сзади в ее обнаженное плечо. Попади он прямо в нее, было бы куда хуже, а он лишь задел по касательной. Но боль немедленно вгрызлась в тело, и Кива закричала и съежилась.

Содрогаясь, она повернулась, чтобы посмотреть на рану, но увидела только...

Ее затошнило при виде ожогов.

– Больно, наверное, – сказал Навок, и Кива резко обернулась к нему; по щекам бежали слезы. – Исцелись, сразу полегчает.

Было так больно, что не получалось даже думать, не то что говорить. Сквозь сжатые зубы она бросила:

– Я не могу, у бл...

– Хочешь снова получить? – прервал ее король. – А то Ксуру нетрудно.

Огненный маг-аномалия ухмыльнулся и призвал новый огонек, который заплясал у него на пальцах. Кива отшатнулась, и от этого рывка стало больно и ожогу, и все еще пульсирующей скуле, но боль на лице не шла ни в какое сравнение с плечом и спиной.

– Да *послушай* же ты...

– Неужели так сложно подчиниться? – снова перебил ее

Навок, подаваясь вперед на троне. Кивнул Ксуру: – Еще!

Аномалия ухмыльнулся шире и размахнулся, собираясь вновь швырнуть в Киву пламя.

– Нет! – до хрипоты закричала она и вскинула обе руки, закрываясь.

– Что, во имя вечности, здесь творится?

При звуках этого нежного женского голоса Ксуру бросил взгляд за спину Кивы и быстро погасил огонь. Она оглянулась следом и увидела девушку, которая стремительно вошла в тронный зал вместе с молодым мужчиной; оба были одеты элегантно, но по-дорожному.

– Нав? – настаивала девушка. Ее золотистые волосы, темнее, чем у короля, выгорели на солнце, а глаза были спокойного бледно-зеленого цвета. Все в ней было нежное, от фарфоровой кожи до изящных черт лица.

Ее спутник казался ее противоположностью, хотя и не менее яркой. Кожа у него была насыщенного темно-коричневого цвета, телосложение – некрупное, но с очерченной мускулатурой, черные волосы коротко подстрижены, а на лбу – золотой обруч. Картина была столь притягательная, что Кива, даже несмотря на боль, не могла отвести взгляд.

– Тебя это не касается, Сера, – ответил Навок, и Кива поняла, что угадала: новоприбывшие были его сестрой и ее нареченным.

– Не видел ее месяцами и теперь встречаешь вот так? – с легким акцентом спросил Вошелл глубоким медовым голо-

сом, в котором пылал гнев.

Кива удивилась: на лице принца не заметно было ни единого признака слабости, о которой говорил Навок. Напротив, Вошелл смотрел на короля Мирравена твердо.

– Не стоит, Вош, – устало произнесла Серафина, опуская ладонь на его руку. – Я бы лучше спросила, что такое мы прервали, когда...

Она охнула и умолкла: Кива чуть повернулась и нечаянно продемонстрировала ожог.

До этого Серафина спокойно шагала к трону, но, едва заметив рану Кивы, рванулась вперед так, что дорожный плащ взметнулся за плечами. Замедлила шаг она лишь после того, как заметила испуг на лице Кивы, который та не смогла спрятать.

– Все хорошо, – успокаивающе сказала Серафина. Подойдя ближе, она хотела получше рассмотреть рану, но Кива отшатнулась, настороженная и неуверенная.

– Твоих рук дело?

Кива решила, что полный гнева вопрос Вошелла обращен к ней, но тут поняла, что он все еще сердито смотрит на Навока – даже яростнее, чем раньше.

Король предупреждающе сверкнул глазами, но ответил спокойно, даже со скукой:

– Моя неуклюжая невеста споткнулась и наткнулась на люминиевый фонарь. Выглядит страшнее, чем на самом деле.

Серафина задержала взгляд на горячей, пульсирующей щеке Кивы и сощурилась.

– А с лицом у нее что, брат? – спросила принцесса все тем же мягким тоном, но с некой жуткой ноткой, которую Кива не ожидала услышать. – Тоже люминиевый фонарь?

Она показала на синяк в форме ладони на предплечье Кивы.

– И это?

Навок стиснул зубы:

– Я же говорю, неуклюжая она.

Ксуру соглашался, стоя рядом, и Кива возненавидела их обоих.

Серафина вздернула подбородок:

– Неуклюжая она или нет, но моя будущая сестра ранена. Я провожу ее в комнату и присмотрю, чтобы ей оказали помощь.

Тут случилось нечто странное: Навок рассмеялся. Веселья в этом смехе не было, только злоба и язвительность. Серафина заметно напряглась, будто жалея о том, какие слова выбрала.

– Все мечтаешь занять теплое местечко, до сих пор? – издевательски спросил Навок. – Мог бы догадаться, что *моя* свадьба порадует *тебя* больше, чем меня.

Он бросил на Киву похотливый взгляд и добавил:

– Хотя первая брачная ночь не должна разочаровать. Уже ее-то я буду ждать с нетерпением. – Выразительная пауза. –

Если смогу дотерпеть до завтра.

У Кивы теперь не только плечо горело – по венам поползли ужас и отвращение.

– Никто тебя не заставляет жениться, – сказал Навоку Вошелл, недовольно кривя губы. – И ты сейчас говоришь о собственной *невесте*. Поосторожнее со словами.

Навок высокомерно взглянул на него.

– А не то что, Вош?

Караморский принц не отступил, как того явно ожидал Навок.

– А не то у нас с тобой появится больше проблем, чем уже имеется, – заявил Вошелл.

Король откинулся на спинку трона, задумчиво разглядывая союзника. Что-то прикидывая, он протянул:

– Сдается мне, что-то поменялось с нашего последнего разговора.

– Поменялось, – коротко бросил Вошелл. – Нам многое нужно обсудить.

Он окинул взглядом комнату: от дрожащей Кивы до Ксуру с горящими глазами, и закончил:

– Наедине.

Навок был предельно заинтригован, пусть и не мог скрыть раздражение – то ли оттого, что больше нельзя мучить Киву, то ли потому, что Вошелл не вел себя как бесхарактерный дурачок, Кива не знала. Да и не хотела знать. Потому что чем дольше она здесь оставалась, тем сильнее была угроза, что

ее либо стошнит, либо она просто лишится чувств.

Почувствовав ее муки, Серафина обратила на нее добрый взгляд:

– Идем. Нужно осмотреть твои раны.

Кива не осмелилась посмотреть на Навока, когда принцесса осторожно обняла ее за талию и повела из тронного зала. Каждый шаг отдавался агонией, плечо горело, лицо пульсировало болью.

Нужно просто добраться до комнаты, твердила себе Кива. А потом избавиться от принцессы. И Бринн тоже как-нибудь выпроводить. А потом найти дорогу к Голдрику.

А потом нужно сбежать.

Кива застонала: все это казалось невыполнимым, даже когда она не была ранена, а теперь она без чужой помощи и ходить-то едва может. Но она не позволила безысходности захлестнуть себя с головой. Выбора не было: в любом случае нужно убираться из Блэкмаунта до того, как ее заставят хотя бы на шаг приблизиться к алтарю.

Когда они поднимались по второй лестнице, ожог разболелся столь невыносимо, что Кива начала отчаянно искать, на что отвлечься, так что ляпнула, вероятно, не самую умную вещь:

– Я знаю про вас с Миррин. – Она почувствовала, как напряглась принцесса, и добавила уже не так уверенно: – Сочувствую насчет Вошелла.

Серафина вновь расслабилась и улыбнулась Киве – едва

заметно, но искренне.

– Вошелл хороший человек. Мне его жальче, чем саму себя. Он заслуживает, чтобы его любили так, как не могу я.

– Вы тоже этого заслуживаете, – сказала Кива. Пусть она и осуждала Миррин за предательство, но все равно могла понять, почему принцесса Валлентис объединилась с Зуликой. Любовь ослепила их всех.

– Мы с Мирри... – Серафина печально покачала головой. – Нам не суждено быть вместе.

В ее голосе слышалась глубокая печаль, и она же читалась в выражении лица.

Полная сочувствия, Кива спросила:

– Я слышала, что помолвку предложил ваш брат. Почему вы дали согласие?

Серафина вздохнула:

– Тебе не понять.

– Может, и так, – ответила Кива. – Но я хотела бы попытаться.

Принцесса погрузилась еще сильнее, хотя казалось, уже некуда.

– У меня во всем мире остался только он. Если я не подчинюсь ему...

Она слабо содрогнулась. Но затем что-то в ней переменялось, будто она вдруг вспомнила, что говорит с предполагаемой невестой Навока.

– Он не всегда ужасен. Он может... Может заботиться и

защищать.

«Скорее уж запирать», – горько подумала Кива.

– И он вознаграждает за верную службу, – продолжила Серафина, будто все перечисленные достоинства Навока заставят Киву забыть, как он обращался с ней. Как *мучил* ее. – Еще он невероятно амбициозный и целеустремленный.

– И хочет захватывать королевства, которые ему не принадлежат, – буркнула Кива.

Серафина вновь застыла и на этот раз не расслабилась. Понизив голос, она сказала:

– Я не выгораживаю его после того, что он сделал с тобой. У него тяжелый нрав, однако обычно он не прибегает к побоям. Он поступил неправильно во всех смыслах. Но я просто...

Она отвела взгляд, зелень глаз померкла. Полным эмоций голосом она поделилась:

– Поздно ночью, когда мир уже спит, я смотрю на звезды и мечтаю о том, как могла бы сложиться совсем другая жизнь. Мечтаю о семье, которой не имела, о свободе, по которой тоскую. Мечтаю о том, чтобы кто-нибудь полюбил меня так сильно, что спас бы от всего этого.

Она опустила голову.

– Вошелл – не герой моей мечты, но он позаботится обо мне. Знаю, тебе этого не понять, однако так мой брат будет счастлив. Мне это важно, пусть даже я хотела бы иного.

Принцесса обратила печальный взор на Киву и повторила:

– У меня остался только он.

Вопреки предположению Серафины Кива отлично ее понимала, и даже хуже, могла поставить себя на ее место. Она знала, как сильны семейные узы, как они способны влиять на взгляды и поступки. Серафина в юности потеряла мать, а не так давно и отца. Пойди она против желаний Навока – потеряет и его, и тогда останется в полном одиночестве. Этот страх Кива понимала как никто, и хоть отчасти ей хотелось тряхнуть Серафину и велеть ей сопротивляться брату, в то же время ее хотелось обнять и сказать, что все будет хорошо – пусть даже обе понимали, что это неправда.

– Знаешь, – сказала принцесса, когда они наконец подошли к спальне Кивы, и голос у нее был подчеркнуто-веселый, будто она желала оставить в прошлом все сказанное ранее, – я вдруг поняла, что нас так и не представили по всей форме.

– Мне кажется, поздно уже знакомиться, – сказала Кива, стараясь не стонать от вновь нахлынувшей боли.

Серафина согласно хмыкнула.

– Несмотря ни на что, мне очень хочется познакомиться с тобой поближе, Кива Корентин.

Слова были искренними и честными. Она тихо добавила:

– Обещаю, все будет не так уж скверно. И еще обещаю помогать тебе на каждом шагу.

Кива начинала понимать, почему Серафину так любили: ее кроткий нрав и искренняя доброта не могли не очаровы-

вать. Навок считал это ее слабостью, но Кива думала, что это – сила.

Но, так или иначе, она не намеревалась задерживаться в Мирравене, чтобы принять предложение принцессы.

– Спасибо, – ответила Кива, не раскрывая своих планов. – Мне пригодится любая помощь.

Серафина улыбнулась в ответ так сладко, что заныли зубы.

– Давай-ка уложим тебя отдыхать, – сказала она, потянувшись открыть дверь спальни. – Я разыщу мадам Мерит и велю послать за лекарем.

Прикинув варианты, Кива предложила:

– Можем отправить Бринн.

Если горничная покинет ее покои, Кива сможет незаметно улизнуть. И никакая боль ее не остановит.

– Бринн? – переспросила Серафина, входя внутрь.

– Моя горничная. – Кива подняла глаза и как раз заметила, как означенная девушка замерла у дальней стены комнаты. Ее почти не было видно – скрывали тени у распахнутых гардин, но Кива узнала ее по знакомому силуэту.

– Боги, госпожа, вы ранены! – воскликнула Бринн и бросилась в ванную комнату. Оттуда она крикнула: – Я принесу чистых бинтов!

– Леди Киве нужен лекарь, – крикнула ей Серафина, подводя Киву к кровати.

– Сейчас же все улажу, Ваше Высочество! – откликнулась

горничная достаточно громко, чтобы ее расслышали. Но вот обратно не вышла, и Серафина нахмурилась, глядя в сторону ванной.

– Прошу, принцесса, – сказала Кива, которую мало заботила невоспитанность Бринн. – Вы наверняка утомились дорогой. Спасибо, что проводили, но теперь обо мне и Бринн может позаботиться.

Нужно, чтобы Серафина покинула ее до того, как горничная уйдет за лекарем, иначе принцесса может решить, что обязана остаться.

– Ваш брат прав, на вид куда хуже, чем на самом деле.

Кива врала, и уж это Серафина понимала. Но принцесса лишь неуютно переступила с ноги на ногу и уточнила:

– Уверена?

– Вы и так потратили на меня столько времени, – настаивала Кива.

Было очевидно, что принцесса предпочла бы остаться, то ли из беспокойства, то ли потому, что ей самой хотелось поболтать, но, к счастью, она поняла намек и направилась к двери.

– Если понадобится, не стесняйся, отправляй за мной горничную, – предложила Серафина. Покосилась в сторону ванной, явно сомневаясь в умениях Бринн, и пробормотала: – Или, может быть, кого-нибудь еще.

Кива чуть не улыбнулась.

– Хорошо. Благодарю.

Ей хотелось сказать, как она рада знакомству, как надеется, что с Вошеллом все наладится, но, не рискнув выдать себя, она лишь тихо попрощалась и облегченно выдохнула, когда дверь за принцессой закрылась.

– Ушла? – тихо спросила Бринн, выглядывая в спальню.

В этот раз нахмурилась уже Кива: она наконец поняла, что горничная не за бинтами убежала – она там *пряталась*. За время знакомства, сколь ни короткое, Кива убедилась, что Серафина ничем не напоминает Навока, и Бринн незачем было ее бояться.

– Что с тобой?

Не ответив на вопрос, горничная поспешила к ней и поджала губы, когда заметила вспухшую щеку Кивы, а осмотрев плечо, зашипела.

– Ожог глубокий, – сказала Бринн, отодвигая платье от раны. Огненный шар ударил Киву в обнаженное плечо, так что, к счастью, ткань не расплавилась в кожу.

– Знаю, – ответила Кива, чувствуя каждый мучительный волдырь. Ее заметно трясло, на лбу выступил пот, хотя теперь, когда схлынул адреналин, ее пробирало ознобом до костей. Но она не могла позволить себе поддаться этой боли: время было на исходе.

Она повторила просьбу Серафины:

– Можешь, пожалуйста, найти лекаря?

Бринн обязательно нужно выпроводить, и немедленно.

Однако горничная покачала головой.

– Лекарь тут не особо поможет. Не успеет до...

Она оборвала себя, но Кива поняла, что она не хотела упоминать свадьбу.

– Пожалуйста, Бринн, – упрашивала Кива. – Мне очень больно.

Тут она не лгала.

Горничная продолжала хмуро оглядывать ожог, но потом, видимо, пришла к некоему решению и приказала:

– Ложитесь. На живот.

– Нет, серьезно, сходи за...

– Кива, ложись, – твердо велела горничная.

Киву потряс не столько даже ее тон, а то, что по мановению ее руки прямо из пола проросло блестящее зеленое растение.

Не сиди Кива уже на кровати, она бы упала навзничь.

Бринн владела магией земли.

– Ты аномалия! – охнула Кива. За свои семнадцать лет она слышала об аномалиях лишь слухи, а теперь встретила двоих всего за час.

– Ложись, – повторила Бринн, указывая на кровать.

Кива была так ошарашена, что подчинилась, скривившись, когда при движении потревожила плечо. Она осторожно опустилась на подушку здоровой щекой, с восхищением наблюдая, как Бринн призвала еще одно растение рядом с первым. Оба растения Кива знала, но работала раньше только с одним.

Первым было алоэ; Бринн достала из кармана передника ножик и надрезала зеленый стебель, из которого начал сочиться гелеобразный сок.

– Сначала нужен красноцвет, – Кива указала на второе растение. – Чтобы очистить рану.

– Да, но он жжется так, что тебе небо с овчинку покажется, – возразила Бринн.

– Если пойдет заражение, я на небе и окажусь.

Горничная отложила алоэ – неохотно – и потянулась за красноватым стеблем, но потом наклонила голову набок и снова махнула рукой. Рядом с красноцветом выросли еще два цветка: один с белоснежными лепестками, желтеющими к кончикам, а второй потрясающего фиолетового цвета с красными тычинками, растущими из центра. Кива таких никогда не видела.

– Молочная дымка, – пояснила Бринн, отрывая белый цветок, и Кива вздрогнула от удивления. Отец как-то раз упоминал молочную дымку, но сказал, что она невероятно редкая и ценится за сильное обезболивающее действие.

Разумеется, как только Бринн взрезала бутон и капнула соком на плечо Кивы, боль сменилась онемением, да таким, что она застонала от облегчения.

– Расцеловала бы тебя, – пробормотала она в подушку, понимая, что, если онемение продлится достаточно долго, она, возможно, сумеет сбежать из замка.

Горничная хихикнула и начала очищать плечо Кивы крас-

ноцветом.

– Не хочешь рассказать, что случилось?

– Не особо, – ответила Кива, чувствуя, как вместе с болью отступает дрожь.

Пальцы Бринн замерли.

– Перефразирую. Как человек, который сейчас тебе помогает, я хотела бы узнать, что случилось.

Кива заворчала:

– Для горничной ты очень настойчива.

Бринн не ответила и не вернулась к ране, и Кива добавила:

– Ладно, но прошу тебя, поторопись. У меня еще есть... дела.

– Какие дела?

– Просто дела! – защищаясь, ответила Кива, жалея, что горничная ведет себя не как полагается горничным.

Бринн как бы шутя заметила:

– Время пролетит быстрее, если расскажешь, что случилось, пока я занимаюсь раной.

Кива в этом сомневалась, но, когда Бринн снова начала промывать рану, коротко рассказала, чего хотел в тронном зале Навок и как Серафина и Вошелл прервали вторую атаку Ксуру, и закончила, как бы невзначай упомянув о напряжении, промелькнувшим между королем Мирравена и принцем Карамора.

– Навок и Вош решили поговорить с глазу на глаз? – спросила Бринн, щедро намазывая гель алоэ на рану Кивы, чтобы

создать увлажняющую и защитную пленку. – Прямо сейчас?

– Наверное, – ответила Кива.

Больше ничего не спросив, Бринн обработала гелем щеку Кивы, недовольно щуря серебристые глаза, – теперь она точно знала, что это дело рук лично Навока. Сходя в ванную, она вернулась со стаканом воды. Лишь теперь она сорвала с фиолетового цветка несколько лепестков и тычинок и бросила их в воду.

– Выпей.

Кива попробовала сесть, но Бринн опустила ладонь на здоровое плечо и прижала ее к постели.

– Не вставай, пока алоэ не впитается. Просто подними голову и выпей так.

– Что там? – спросила Кива, делая осторожный глоток. Питье слегка отдавало цветами и фруктами.

– Ты вряд ли слышала... Это цветок со Змеиных островов. Живущие там монахи называют его Змеиным Поцелуем, – ответила Бринн. – Ускоряет заживление, но использовать можно только в крайних случаях.

– Почему? – Кива отпила еще.

– Потому что он ядовит.

Кива выплюнула питье.

– *Что?!*

Бринн закатила глаза.

– Все будет хорошо. – Помолчав, она уточнила: – Голова поболит немножко, живот поноет, может, временно ослеп-

нешь. Но не переживай, за несколько часов все пройдет. И тебе станет гораздо легче. Просто больше не принимай в ближайший месяц, а то начнутся проблемы.

Кива вытаращилась на горничную:

– Ты дала мне *яд*?!

– Убивает в основном мужчин, – легко отозвалась Бринн. – У тебя неплохие шансы.

Но Кива едва слышала ее, потому что до нее запоздало дошло, что еще сказала Бринн, и она чуть не закричала:

– За несколько *часов*?!

Бринн забрала стакан из застывших от ужаса пальцев Кивы.

– Да. И, к твоему сожалению, мне нужно кое-куда отойти, но я боюсь, что ты выкинешь что-нибудь глупое, пока меня нет – например, попытаешься улизнуть. Так что лучше поспи, заодно не почувствуешь побочные эффекты Змеиного Поцелуя.

В словах Бринн таилось так много всего, что и встревожило, и ошеломило Киву, но она не смогла ответить – она и дышать-то не могла.

Как бы ни пыталась она вдохнуть, тело словно забыло, что делать с кислородом. И отказало не только дыхание – она не могла шевельнуться, конечности не подчинялись, будто какая-то тяжесть придавила ее к постели, не позволяя встать.

– Вернусь, как только смогу, – мягко сказала Бринн, хотя Кива взирала на нее круглыми, полными ужаса глазами. –

Все будет хорошо, Кива. Верь мне.

И тут в глазах у лишенной воздуха Кивы потемнело, и она потеряла сознание.

Глава девятая

– Кива, вставай. Пора идти.

Киву кто-то потряс, и она медленно очнулась, ничего не понимая. Не сразу она вспомнила, почему лежит на животе, почему вообще заснула – хотя нет, не *заснула*. Ее отравила Бринн, стихийная аномалия, которая владела не только магией земли, но и воздуха.

Бринн, которая теперь возвышалась над Кивой, подняв ладони в жесте извинения.

– Я могу объяснить.

Кива не дала ей возможности. Несмотря на раны, она скадилась с кровати и сбила горничную с ног. Сквозь раздернутые занавески сочился лунный свет, а значит, она проспала почти *весь день*. Бринн украла у нее львиную долю того скромного времени, которое Кива могла бы потратить на побег из Блэкмаунта. Свадьба уже *завтра*. Бежать нужно *немедленно*. И как бы ей ни нравилась горничная – если не учитывать отравление и усыпление, – она не могла позволить Бринн помешать ее планам.

– Что... ты... творишь?! – пропыхтела горничная, когда Кива всем телом вжала ее в ковер. Спасибо хоть молочная дымка до сих пор действовала, но если выбирать, она бы предпочла мучиться от боли, а не потерять несколько часов.

Кива не ответила – была занята поисками чего-нибудь,

чем можно вырубить Бринн. Но горничная стремительно перевернулась, оказавшись сверху, да так легко, что Кива ошеломленно застыла, а потом вновь принялась бороться.

– Да прекрати же! – сердито бросила Бринн. – Раны рас­тревожишь!

Киве было все равно. Она сражалась все более отчаянно, и Бринн, видя, какой вред она сама себе наносит, выпустила ее и вскочила на ноги. Кива сделала то же самое – а затем вновь набросилась на горничную.

Вторым легким движением Бринн сместилась в сторону и схватила Киву за здоровую руку, выведя ее из равновесия и закрутив волчком. В следующий миг Кива поняла, что обе руки заведены за спину, а горничная стоит позади и прика­зывает:

– Кива, прекрати! Я пытаюсь тебе помочь!

– Отпусти, Бринн!

– Меня зовут не Бринн, а Эшлин. И если хочешь полу­чить хоть малейший шанс сбежать сегодня, придется меня слушаться.

Кива застыла – не только из-за слов горничной или вне­запного исчезновения мирравенского акцента, а из-за само­го имени.

– Эшлин? – неверяще выдавила она. – То есть Эшлин *Вал­лен*...

– Тссс! – Горничная – которая, очевидно, горничной не являлась – шикнула на нее. – Хочешь, чтобы нас обеих при-

кончили?

В следующее мгновение руки Кивы отпустили, и она медленно повернулась, чтобы взглянуть на девушку перед собой – на генерала армии Эвалона. Ее волосы были гораздо светлее, чем золото брата, а глаза – куда бледнее, чем его кобальтовая синь, но теперь, когда Кива знала, что искать, она увидела в ее чертах некую схожесть с Кэлдоном – особенно в том, как она держалась: высокая, гордая, ни одного лишнего движения.

– Что ты здесь делаешь? – выдохнула Кива. – Почему ты горничная?

– Нужно уходить, пока еще можно. – Эшлин бросилась к креслу и подобрала с него сверток темной ткани, который вручила Киве. – Надевай, я пока расскажу немного, а потом пора идти.

В свертке Кива узнала наряд горничной, такой же, как у Эшлин: черное платье со шнуровкой на груди и кроваво-красный передник. Подгоняемая Эшлин, она принялась снимать свое платье и переодеваться, а принцесса рассказывала.

– Я здесь уже три месяца, шпионю за Навоком, – объясняла Эшлин, завязывая на поясе Кивы передник. – Собиралась уйти еще несколько недель назад, едва узнала, что устроили в Валлени твоя сестра и Миррин, но потом услышала, как Навок потешается над тем, что тебя опять заперли в Залиндове и что он собирается забрать тебя и сделать своей же-

ной, – и поняла, что нужно остаться. Я присматривалась к тебе с самых Ордалий: знала, кто ты такая и как ты важна Джарену и Кэлдону.

Она мельком коснулась амулета, спрятанного под платьем Кивы.

– Они бы меня никогда не простили, позволь я, чтобы тебя выдали замуж против воли.

Кива сглотнула и хрипло ответила:

– Насчет этого я сомневаюсь. Расстались мы... скверно. Особенно с Джареном.

Эшлин поджала губы:

– Об этом я тоже слышала. И тебе придется с ним это как-то решить. Однако я знаю своего двоюродного брата – он бы пришел в ужас, если бы тебя принудили выйти за Навока. Так что пора убираться отсюда и немедленно. – Она показала на Кивино плечо: – Как оно?

– Почти не болит, – ответила Кива. – Молочная дымка еще работает.

– Славно.

Эшлин поправила платье Кивы и отошла на шаг, чтобы оценить итог.

– Если наткнемся на Навока, голову не поднимай, и в этом наряде он на тебя даже не посмотрит, – распорядилась она, и Кива, вспомнив сказанные ей утром слова, поняла, как мирравенский король так долго не замечал Эшлин, которая была у него на виду. – Но вот Серу нужно избегать любой ценой.

До Кивы вдруг дошло, почему при виде Серафины Эшлин в роли Бринн убежала в ванную: она пряталась не из страха перед принцессой, а потому, что в отличие от Навока, вернувшаяся Сера потрудились бы взглянуть на Эшлин и, конечно, сразу узнала бы ее.

– Я завела пару полезных знакомств, так что из замка нас выведут, но потом останемся сами по себе, – продолжила принцесса. – В городе нас ждут припасы, надо будет их забрать, а потом украсть пару лошадей и убираться как можно дальше из Задрии, пока Навок не понял, что тебя нет. Ночка будет та еще, осилишь?

Кива заторможенно кивнула – у нее голова шла кругом.

– Если ты тут шпионишь, разве тебе не следует остаться? – спросила она. – По идее, уехать я и сама смогу, если ты сможешь мне выбраться из замка.

Зная теперь, кто такая Эшлин, у которой, кстати, имелся надежный план побега, Кива предпочла бы остаться с ней. Но и лишать ее возможности выведать сведения, за которыми та сюда явилась, Кива тоже не собиралась.

Однако Эшлин покачала головой.

– Я же говорю: несколько недель назад собиралась уходить. Хорошо, что не сделала этого: я многое разузнала с тех пор, как тебя привезли. Но теперь пора возвращаться в Стоунфордс: надо все рассказать, пока не стало слишком поздно.

Звучало весьма тревожно, но Киве было о чем переживать

и без размышлений о том, зачем Эшлин нужно в самый северный военный лагерь Эвалона. Так что она подавила свои опасения и пошла вслед за принцессой к двери.

– Не забывай: никому не смотри в глаза, – напомнила Эшлин. – И не отходи от меня.

Только выйдя в коридор, Кива вспомнила, что осталось еще одно незавершенное дело на сегодня. Она выругалась – так громко, что Эшлин резко обернулась, чтобы шикнуть на нее, – но Кива успела первой:

– Нам надо в темницы. Мне нужно кое с кем поговорить, прежде чем мы уйдем.

* * *

Ничего удивительного, что Эшлин не пришла в восторг, услышав о Голдрике, особенно когда поняла, что прохлопала важного пленника в Блэкмаунте. Но согласилась, что знания Голдрика о Тильде и повстанцах стоили того, чтобы рискнуть и пробраться в подземелья. Однако она решила, что они не просто побеседуют с Голдриком, а заберут его с собой.

Кива сомневалась, что у них получится вытащить его из камеры, не привлекая внимания Серой Гвардии, однако она отбросила сомнения и последовала за Эшлин по черно-красным коридорам. Они торопились, но на них не обращали внимания ни слуги, ни стражники. Похоже, в этих нарядах они и правда практически невидимки.

Наконец они дошли до спуска в темницы, и чем ниже они уходили под землю, тем более сыро и холодно становилось вокруг.

Эшлин замедлила шаг, оказавшись на развилке, похожей на лабиринт.

– Куда? – прошептала она.

Кива указала налево и пошла вперед, но принцесса отодвинула ее:

– Я первая.

Кива поняла, что она сделала это неспроста, когда за следующим же углом они обнаружили тройку идущих навстречу гвардейцев: те заметно оживились, увидев горничных, шатающихся по местам, где им совершенно нечего делать.

Кива собиралась было наплести что-нибудь о том, как они заблудились, но не успела – все трое с криком схватились за головы, а потом попадали без сознания на пол.

Онемев, Кива обернулась к Эшлин, но та лишь пожала плечами:

– Воздух под высоким давлением на барабанные перепонки. Какое-то время полежат.

Кива поморщилась: она испытала нечто похожее от рук Миррин в ночь маскарада. Стражников было почти жаль, но тут она вспомнила, что их с Эшлин ждало бы что-нибудь похуже.

– Надо спешить, – поторопила принцесса.

Они пошли дальше по лабиринту коридоров, и Киве пришлось поднапрячь память, чтобы выбрать путь правильно. Наконец она сказала:

– Почти пришли, только завернуть за угол.

Едва она произнесла это, как из-за угла появились двое стражников – так близко, что они едва не столкнулись.

Эшлин, не задумываясь, бросилась на них, на этот раз атаковав не магией, а кулаками и пинками, пока оба не упали на пол точно так же, как первые трое.

Все случилось так быстро, что Кива только охнула.

– Незачем тратить магию, когда простые способы работают ничуть не хуже, – сказала Эшлин, даже не запыхавшись.

Кива молча согласилась, а потом ткнула пальцем дальше в темный каменный коридор:

– Туда. До конца.

Они поспешили по коридору и обнаружили, что Голдрик уже на ногах: разглядеть из камеры он ничего не мог, но услышал возню со стражниками. Карие глаза потешно округлились, когда он увидел Киву, и выпучились еще сильнее при виде Эшлин.

– Ваше Высочество, – прохрипел он, сгибаясь в пояс.

Эшлин фыркнула:

– Ой, да ладно, мы оба знаем, кому из нас ты хотел бы кланяться.

Кива неловко переступила с ноги на ногу – она забыла, что Голдрик бывший лидер повстанцев, а следовательно, хотел

бы увидеть на троне Эвалона Корентинов.

– Но это мы обсудим позже, – продолжила Эшлин и жестко добавила: – Во всех подробностях.

Обветренное лицо Голдрика было очень серьезно, словно он смирился со своей судьбой.

– А теперь отойди назад, – приказала Эшлин. – И будь готов бежать.

Кива сомневалась, что Голдрик сможет бегать. Он был крепко сложен и, несмотря на седые пряди в волосах и бороде, на вид ему было всего лет сорок пять или чуть больше, но он провел в заключении добрых полгода. Кроме того, изрядные синяки на его лице вызвали невольное желание попытаться его исцелить, с которым Киве приходилось бороться: она понимала, что даже если получится призвать дар, в чем она после сегодняшнего утра была вовсе не уверена, магия осветит все подземелье, как маяк.

Заметив ее беспокойство, Голдрик отошел от железной решетки, твердо держась на ногах, и тихо заверил ее:

– Со мной все будет хорошо.

– Тоже отойди, – велела Эшлин Киве, не обратив внимания на ее тревоги, и та немедленно сделала три больших шага назад.

Затем принцесса махнула рукой в сторону прутьев, и они затряслись, изгибаясь от магии то ли земли, то ли воздуха – Кива не знала. По каменному коридору пронесся чудовищный скрежет, но наконец прутья подались в стороны, и Гол-

дрик смог протиснуться наружу.

– Надеюсь, больше охраны внизу нет, а то это они бы точно услышали, – буркнула Эшлин, потирая уши.

Бросив на Голдрика яростный взгляд, она заявила:

– Ранен ты или нет, если отстанешь – бросим тебя тут. А если попробуешь что-нибудь выкинуть – серьезно, что угодно, – высосу у тебя из легких весь воздух, а труп зарюю так глубоко, что пожалеешь, что не остался в камере. Понял?

Голдрик кивнул так же серьезно, как и раньше. Кива не стала его подбадривать: она сама еще не знала, заодно ли они с человеком, который считался главным советником матери, и не узнает, пока они не поговорят. Но сейчас им следовало сосредоточиться на побеге.

Наверх они вернулись тихо и быстро, и Кива облегченно вздохнула, увидев, как в конце последнего лестничного пролета мелькнул знакомый роскошный черно-красный интерьер. Но потом Эшлин резко затормозила посреди лестницы и прошипела проклятие. Кива выглянула из-за нее и увидела...

«Нет!» – мысленно охнула она.

У лестницы стояло не меньше дюжины Серых гвардейцев, а среди них ухмылялся король Навок.

– Неплохая попытка, – сказал он. – Но если вы решили, что я ничего такого не ожидал...

Он умолк, переведя взгляд с Кивы на Эшлин. На лице отразилось неверие, потом ярость, когда он понял, почему ге-

нерал Эвалона здесь и в таком наряде.

– Выведи нас наружу, – прошептал Голдрик Эшлин. – Когда окажемся на открытом воздухе, я смогу...

Он не договорил, потому что Навок рывкнул:

– *Ксуру!*

Темноглазый шагнул вперед, на кончиках его пальцев заплясали языки пламени.

– *БЕГОМ!* – крикнула Эшлин, толкая Киву вперед, когда в них полетел огненный шар. Принцесса махнула рукой, и он, не причинив никому вреда, врезался в обсидиановую стену. Еще один взмах сбил с ног Навока, Ксуру и всех гвардейцев, расчистив пространство, куда рванули Кива, Голдрик и Эшлин.

– Если Навок соберет весь гарнизон Блэкмаунта, я не справлюсь... А он соберет! – предупредила принцесса, пока они мчались по коридору к выходу из замка. – Моя магия не безгранична.

– Нам просто нужно оказаться снаружи, – снова повторил Голдрик. Он громко пыхтел, кожа под синяками побледнела, но он не отставал ни на шаг. – Там я смогу...

– *СТОЯТЬ!* – донесся вопль Навока.

Над ними, едва разминувшись с головой Голдрика, промчался еще один огненный шар.

– *Эшлин,* – прошипела Кива. – Слишком близко!

Принцесса, не глядя, махнула за спину, и пол сзади хрустнул, разламываясь прямо посреди коридора.

– Больше я ничего не могу, а то на нас весь замок рухнет, – сказала Эшлин тяжело дыша: магия забирала у нее немало сил.

– Мы почти добрались, – сказала Голдрик, указывая вперед, на знакомые большие двери. Там стояли две пары Серых гвардейцев, которые насторожились при виде беглецов, но еще один взмах руки Эшлин отбросил их на изрядное расстояние прочь по другому коридору.

– Улизнуть от Навока незаметно не вышло, – пожаловалась принцесса. – Остается только надеяться, что он не перекроет весь город до того, как мы добежим до наружной стены.

– Куда вы собирались? – торопливо спросил Голдрик, когда все выбежали наружу, на свежий ночной воздух. – Добравшись до Эвалона, куда вы хотели поехать? Воронова Башня? Крепость Хайуорт?

– Стоунфордж, – коротко ответила Эшлин, уводя их через замковый двор к подъемному мосту, уже не заботясь о том, чтобы оставаться незамеченной – смысла не было. – Туда ближе всего, и никто не рискнет отправиться за нами вслед. Если поторопимся, уложимся за неделю.

– Нам не придется...

– *Хватит!* – донесся сзади голос Навока, прервав Голдрика. Все трое замерли посреди двора. Но не из-за его приказа, а из-за того, что они узрели перед собой. – Оглянитесь, – добавил король, хотя это уже и не требовалось: они и так

прекрасно видели целые ряды Серой Гвардии между собой и железной решеткой первых ворот Блэкмаунта. – Вы окружены. И прежде чем ты, дорогая Эшлин, выкинешь что-нибудь глупое, тебе следует знать, что Ксуру – не единственная аномалия в моем распоряжении. Очень тщательно подумай, что сделать дальше.

Несмотря на предостережение Навока, Кива была готова попросить принцессу заколдовать что-нибудь, что угодно. Но Голдрик заговорил первым.

– Быстро, возьмите меня за руки, – приказал он, протягивая им ладони.

– Зачем... – начала Кива.

– *Давай же!* – поторопил он, но потом сам дотянулся до Кивы и до Эшлин, лишив их выбора, и вцепился в них стальной хваткой. – Наберите воздуха – и постарайтесь, чтобы вас не стошнило.

Кива хотела было спросить, о чем он вообще толкует, но тут встретилась взглядом с Эшлин и только теперь почувствовала.

Ветер.

На ровном месте вдруг поднялся жуткий ветрище и ударил ее так, что у Кивы перехватило дыхание. Но этим дело не кончилось: внезапно воздух вокруг закружился воронкой и, оторвав ее от земли, увлек за собой в ночное небо.

Киву вращало как торнадо, и она закричала, но потом закрыла рот. Она чувствовала крепкую хватку Голдрика, свя-

зывающую их двоих, и успела еще поразиться, как *он* вытворяет такое, но удивление померкло на фоне выворачивающей наизнанку тошноты – так ее крутило.

Она ничего не видела, кроме размазанной чернильной тьмы ночи, воздух стал ледяным, а ветер все хлестал, да так, что на Киве будто живого места не осталось.

Наконец, спустя несколько секунд – хотя казалось, что прошли часы, – все наконец прекратилось, а Кива вернулась на твердую землю. Голова кружилась, и она тут же рухнула на колени; она смутно понимала, что оказалась на залитой лунным светом полянке, а вдалеке мерцают огни деревушки, но больше ничего не рассмотрела: пришлось закрыть глаза, чтобы справиться с приступом тошноты.

Откуда-то слева застонала Эшлин.

– Боги, что это было?

Голдрик, не успев ответить, упал без чувств.

Когда его тело шлепнулось на землю, Кива вновь открыла глаза и переборола остатки головокружения.

– Голдрик?

В ответ она услышала только как вырвало Эшлин, так что Кива шатко подползла к бывшему лидеру повстанцев, чтобы пощупать его пульс.

– Уф, – буркнула Эшлин, когда рвота остановилась. Потом спросила погромче: – Умер?

Под пальцами Кивы бился сильный пульс, и она ответила:

– Кажется, просто потерял сознание.

– Ничего удивительного, – ответила Эшлин, кое-как вставая на ноги. – Ни разу не видела, чтобы магию воздуха применяли вот так. Даже не знала, что это вообще возможно.

Она с прищуром всмотрелась в сторону деревни, пытаясь понять, где они оказались.

– Он перенес нас не меньше, чем...

Охнув, она умолкла.

– Что? – спросила Кива, заметив, как та потрясена.

– Я знаю, где мы, – неверящим тоном заявила Эшлин. – Это Садбери. Отсюда до Стоунфорджа меньше двух миль.

Она пристально посмотрела на бесчувственное тело Голдрика.

– Вот зачем он спрашивал, куда мы направляемся, – чтобы знать, куда нас перенести.

Кива пораженно глазела во тьму.

– Хочешь сказать... Мы вернулись в *Эвалон*?

Эшлин кивнула; лунный свет серебрил ее лицо.

– Сама бы не поверила, если бы услышала.

Она выглядела ошеломленной, но справилась с собой и вернулась обратно к Киве, стоящей на коленях около Голдрика.

– Не пытайся его исцелить, лишнее внимание нам ни к чему, – велела она, хотя Киве предупреждение и не требовалось. – До крепости мы его не донесем, тяжелоат, но тут на краю деревни есть таверна.

Эшлин взяла его за плечи.

– Хозяйке можно доверять, оставим его у нее, а потом я за ним кого-нибудь отправлю. – Она кивнула на ноги Голдрика. – Готова?

Кива встала, взялась за ноги Голдрика и с пыхтением подняла. Затем они с Эшлин бочком дотащили бывшего лидера повстанцев до деревни. К облегчению Кивы, принцесса не ошиблась насчет расстояния: таверна оказалась первым зданием на краю Садбери.

Хозяйка таверны сразу же узнала Эшлин, и, хотя эта коротко стриженная женщина изумленно подняла брови при виде их нарядов горничных, она торопливо провела их наверх, в свободную комнату, и пообещала не отпускать Голдрика, если тот очнется. На всякий случай она заперла дверь, а Эшлин пообещала, что через час его заберут.

Кива и Эшлин вышли обратно на душистый ночной воздух – летом здесь было куда теплее, чем в Мирравене, – и лишь теперь Кива задумалась, что делать дальше. С тех пор как Креста помогла ей в Залиндове вернуть боевой дух, она отчаянно жаждала вернуться к друзьям и к брату, а теперь, сбежав от Навока, вернувшись в Эвалон, наконец могла это осуществить.

Только... Она не представляла, где они. Может, Джарен, Кэлдон и Наари остались в Валлении и спрячутся где-то в городе? Остался ли Торелл верен Зулике, служит ли на ее стороне? Сбежал ли Типп от Рессинды и повстанцев, в безопасности ли он?

Кива знала только одно: задерживаться в Стоунфордже нельзя. Поговорить с Голдриком – а потом оставить его с Эшлин и отправиться на юг. Если она правильно помнила карту, от Стоунфорджа полдня езды до Ламонта, угнездившегося у подножия гор Танестра. До Валлени были сотни миль, но, если Кива собиралась разыскать своих друзей и Торелла, начинать следовало именно со столицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.